

РАСПЛЕТАЯ ЗАКАТ

ЭЛИЗАБЕТ ЛИМ

Элизабет Лим
Расплетая закат
Серия «Young Adult. Китайское
магическое фэнтези»
Серия «Мир «Кровь звёзд»»
Серия «Кровь звёзд», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57151786

*Расплетая закат:
ISBN 978-5-04-112638-4*

Аннотация

Майя дошла до края земли, чтобы собрать смех солнца, слезы луны и кровь звезд и сшить из них три великолепных платья. Но ни один, даже самый божественный наряд, не способен скрыть тьму, которая поглощает теперь девушку изнутри...

Вернувшись домой, Майя обнаруживает, что ее страна находится на пороге войны. Однако ни одна война не сравнится с той, которую каждый день девушке приходится вести с самой собой. Отмеченная демоном Бандуром, Майя начинает меняться. Ее глаза полыхают красным, она теряет контроль над собственными мыслями и телом. Но хуже всего голоса, зовущие ее вернуться на проклятые острова. Но Майя ни за что не уступит демону, пока не найдет Эдана и не спасет свою страну.

Содержание

Часть 1	13
Глава 1	13
Глава 2	18
Глава 3	34
Глава 4	44
Глава 5	57
Глава 6	62
Глава 7	74
Глава 8	85
Глава 9	99
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Элизабет Лим

Расплетая закат

© Осминина А., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Однажды у меня была мама.

Она научила меня добывать нити из коконов шелкопрядов, которых мы растили на тутовых деревьях в нашем саду, и сматывать их в пряжу. Мама терпеливо промывала тысячи

коконов, а затем мы наматывали тонкие нити на деревянные катушки. Заметив, как я ловко пряду своими крошечными пальцами шелк, словно лучи лунного света, она уговорила папу взять меня в подмастерья.

– Запоминай уроки отца, – сказала мне мама, когда он дал свое согласие. – Он лучший портной в Гансуне, и если будешь усердно учиться, однажды и ты станешь лучшей в своем деле.

– Да, мама, – послушно ответила я.

Пожалуй, если бы она тогда сказала, что девушки не могут быть портными, моя история сложилась бы иначе. Но увы.

Пока мама растила моих братьев – храброго Финлея, вдумчивого Сэндо и непоседливого Кетона, – папа учил меня резать, штопать и вышивать. Он натренировал меня видеть за рамками простых форм и линий, манипулировать тенями и уравнивать красоту структурой. Заставлял меня работать со всеми видами ткани, от грубого хлопка до роскошных шелков, чтобы я достигла мастерства и могла отличить их на ощупь. Если я пропускала хоть один стежок, папа приказывал начинать все сначала, и на своих ошибках я научилась разнице между хорошо сидящим и неподходящим нарядом. Что дырку, сделанную по неосторожности, можно зашить, но ткань не восстановить.

Без папиного обучения я бы никогда не стала императорским портным. Но именно мамина вера придала мне сил, чтобы я хотя бы попыталась испытать удачу.

По вечерам, когда наша лавочка закрывалась, мама втирала мазь в мои онемевшие пальцы.

– Папа слишком тебя нагружает.

– Я не против. Мне нравится шить.

Она приподняла мое лицо за подбородок, чтобы посмотреть мне в глаза. Что бы она там ни увидела, это вызвало у нее вздох.

– Ты и вправду вся в отца. Ладно, но запомни: портняжное дело не только ремесло, но и искусство. Сядь у окна, ощути свет, понаблюдай за облаками и птицами. – Мама замолчала, глядя за мое плечо на выкройки, которые я вырезала весь день. – И не забывай получать от этого удовольствие, Майя. Сшей что-нибудь и для себя.

– Но мне ничего не нужно.

Мама задумчиво наклонила голову. Поменяв догоревшие благовонные палочки у нашего семейного алтаря, взяла одну из трех статуэток Аманы, стоявших в ряд. Вырезали их без особой филигранности, лица и платья выгорели на солнце.

– Почему бы тебе не сшить три платья для нашей богини-матери?

У меня округлились глаза.

– Мама, я не могу! Они должны быть...

– ...Самыми прекрасными платьями в мире, – закончила она за меня. Затем взъерошила мне волосы и чмокнула в лоб. – Я помогу тебе. Мы придумаем их вместе.

Я уткнулась лицом в ее грудь и так крепко обняла, что у

нее из горла вырвался звонкий смешок, подобный мягким звукам цимбал.

Я бы все отдала, чтобы снова услышать этот смех. Чтобы увидеть маму еще раз, коснуться ее лица и расчесать пальцами копну черных волос, которые волнами упали бы ей на спину. Помнится, как бы я ни старалась, мне никогда не удалось соткать шелк столь мягкий, как ее волосы. Еще я помню, что в детстве думала, будто веснушки на ее щеках и руках – это звезды. Мы с Кетоном сидели у мамы на коленях, и пока я пыталась их посчитать, он пытался их стереть.

А какие мама рассказывала нам истории! Это она мечтала уехать из Гансуня, чтобы жить у моря. Мама рассказывала нам сказки, которые передавались в ее семье из поколения в поколение, – о бесстрашных моряках, морских драконах и золотой рыбке, исполнявшей желания, – сказки, которые Сэндо впитывал, как губка.

Мама верила в фей и призраков, в демонов и богов. Она научила меня шить амулеты для странников, вырезать бумажную одежду, которую сжигали в знак уважения к предкам, рисовать знаки, оберегающие от злых духов. Но больше, чем во все остальное, она верила в судьбу.

– Кетон говорит, что мне не суждено стать портным, как папа, – хныкала я, расплакавшись из-за жестоких слов брата. – Он говорит, что девочки могут быть только швеями, и если работать слишком много, у меня никогда не будет друзей, и ни один мальчик не захочет на мне...

– Не слушай своего брата, – перебила мама. – Он не понимает, какой у тебя дар, Майя. Пока нет. – Она вытерла мои слезы краем рукава. – Важно другое: ты сама хочешь стать портнихой?

– Да, – пропищала я. – Больше всего на свете. Но я не хочу быть одинокой!

– И не будешь, – пообещала она. – Это не твоя судьба. Портные связаны с судьбой больше всех остальных. Знаешь, почему?

Я задумалась.

– Папа говорит, что с каждым стежком его работа оживает.

– Да, но это еще не все. Портняжное ремесло уважают даже боги. В нем есть что-то волшебное. Даже обыкновенная нить обладает большой силой.

– Силой?

– Я рассказывала тебе о нити судьбы?

Я покачала головой.

– Каждый человек связан с кем-то – с тем, кому предназначено быть с нами и делать нас счастливыми. Я связана с папой.

Я осмотрела свои запястья и щиколотки.

– Я не вижу никакой нити.

– Ее нельзя увидеть, – мама тихо рассмеялась. – На это способны лишь боги. Твоя нить может быть длинной, тянуться через горы и реки. Возможно, пройдут годы, прежде

чем ты найдешь ее конец. Но ты сразу поймешь, когда встретишь нужного человека.

– А вдруг ее кто-то перережет? – забеспокоилась я.

– Ее ничто не может нарушить, поскольку судьба – это крепчайшая клятва. Вы будете связаны друг с другом, что бы ни произошло.

– Так же, как я связана с тобой, папой и Финлеем? И Сэндо?

Я злилась на Кетона, так что на нашу с ним связь мне было начхать.

– В некоторой степени, но чуть-чуть по-другому. – Мама ласково коснулась пальцем моего носа. – Однажды ты поймешь.

В ту ночь я взяла моток красной нити и привязала отрезок к своей лодыжке. Мне не хотелось, чтобы братья увидели и начали глумиться надо мной, поэтому я спрятала нить под штаниной. Но чувствуя, как мой секрет щекочет мне лодыжку при ходьбе, я невольно гадала, узнаю ли я, если встречу человека, с которым мне суждено быть. Нить затянется ту же? Растянется и переплетется со своей второй половинкой?

Я не снимала ее месяцами. Мало-помалу нить изнашивалась, но не моя вера в судьбу.

Пока судьба не забрала у меня маму.

Она подкрадывалась медленно, в течение многих месяцев, как к кипарису у нашей лавочки. Каждый день с его тонких веток слетали листья – поначалу всего несколько, но с

приближением осени все больше и больше. А затем, одним утром я проснулась, а все ветки были голыми. И нашего кипариса не стало – по крайней мере, до весны.

Мама не могла ждать до весны.

Ее осень началась с легкого кашля, который она всегда скрывала улыбкой. Она забывала добавить капусту в любимые пирожки со свиной Финлей, забывала имена героев из сказок, которые рассказывала нам с Сэндо перед сном. Даже позволяла Кетону выигрывать в карты и давала ему слишком много денег на прогулки на рынок.

Я не придавала этим оплошностям особого значения. Мама бы нам рассказала, если бы плохо себя чувствовала.

Затем, одним зимним утром, как раз когда я закончила украшать статуэтки Аманы тремя платьями – из солнца, луны и звезд, – мама потеряла сознание на кухне.

Я потрясла ее за плечи. В то время я была еще маленькой и с трудом смогла поднять ее голову себе на колени.

– Папа! – закричала я. – Папа! Она не приходит в себя!

Тем утром все изменилось. Вместо того, чтобы обращаться к предкам с пожеланиями хорошей загробной жизни, я молилась, чтобы они пощадили маму. Я молилась Амане – трем статуэткам, которые сама разукрасила и придела, – чтобы она позволила ей выжить. Чтобы мама смогла увидеть, как мы с братьями вырастем, и не оставила отца, который так ее любил, в одиночестве.

Каждый раз, когда я закрывала глаза и представляла бу-

дущее, я видела свою семью всем составом. Видела маму рядом с папой, как она смеялась и дразнила нас умопомрачительными ароматами своей стряпни. Видела братьев вокруг себя – Финлей напоминал мне, чтобы я сидела ровно, Сэндо украдкой подсовывал мне еще один мандарин, а Кетон держал меня за косички.

Как же я ошибалась.

Мама умерла за неделю до моего восьмого дня рождения. В день праздника я сшила для семьи белую траурную одежду, которую мы носили последующие сто дней. В тот год зима выдалась особенно холодной.

Я срезала ниточку со своей лодыжки. Видя, каким разбитым выглядел отец без мамы, я не хотела быть связанной с человеком и переживать подобную боль.

Шли годы, моя вера в богов слабела, и я перестала верить в магию. Я отреклась от своей мечты и вложила все силы в то, чтобы скрепить нашу семью, чтобы быть сильной для папы, братьев и для самой себя.

Каждый раз, когда крупницы счастья просачивались и заполняли трещины в моем сердце, судьба вмешивалась и напоминала мне, что от своей участи не уйти. Судьба забрала мое сердце и раз за разом уничтожала его: когда умер Финлей, затем Сэндо, и когда Кетон вернулся со сломанными ногами и призраками в глазах.

Прошлая Майя подбирала ошметки своего сердца и сшивала их. Но я уже не та девушка.

Теперь, когда судьба настигнет меня, я встречу ее лицом к лицу и подчиню себе.

Теперь у меня нет сердца.

Часть 1

Смех солнца

Глава 1

Осенний дворец освещали тысячи красных фонариков, висящих на столь тонких веревочках, что казалось, будто это воздушные змеи, перелетающие с крыши на крышу. Я могла бы всю ночь смотреть, как они танцуют на ветру и окрашивают сумерки теплым сиянием, но мою голову занимали другие мысли. Ведь под этим морем покачивающихся фонариков находилась площадь Полной Гармонии, и на ней готовились к императорской свадьбе.

Все было оформлено в красных тонах в честь женитьбы императора Ханюцзиня на леди Сарнай. Этот вид должен был бы радовать глаз. Я усердно трудилась и многим пожертвовала ради мира в Аланди, который наконец наступит благодаря их союзу.

Но я уже не та Майя, что прежде.

Алые дворцовые ворота со скрежетом открылись, и я протолкнулась через толпу слуг, чтобы увидеть свадебную процессию. Во главе должен был идти отец леди Сарнай, шаньсэнь. Я хотела взглянуть на мужчину, который выпотрошил

мою страну изнутри, чья война забрала двух моих братьев, и чье имя вызывало трепет даже у зрелых мужчин.

Шаньсэнь в своих позолоченных доспехах, сверкающих, как чешуя дракона, под роскошным изумрудным халатом, ехал на величественном белом жеребце. Кончиков его бороды и бровей уже коснулась седина. Он выглядел не так грозно, как я себе представляла... пока я не всмотрелась в его глаза. В эти блестящие черные жемчужины – такие же свирепые, как у его дочери, но более жестокие.

За шаньсэнем ехали его излюбленный воин, лорд Сина, затем три сына, унаследовавшие темные, внушающие тревогу глаза отца, и легион солдат с вышитой на рукавах эмблемой шаньсэня – тигром.

– Шаньсэнь поднимется по ступенькам в Зал Гармонии, – громко объявил главный министр Юн, – где его дочь, Сарнай Опайя Макан, предстанет как невеста нашего императора. Завтра к императорскому двору явится Процессия Даров. На третий день леди Сарнай официально займет место императрицы рядом с императором Ханюцзином, Сыном Неба. Тогда же состоится заключительный банкет, чтобы отпраздновать их брак перед богами.

По окончании его речи вновь заиграла свадебная музыка, сливаясь с лязгом доспехов шаньсэня и его людей, поднимающихся по ступеням. В небе взрывались фейерверки, и от каждого удара по свадебным барабанам земля под моими подошвами вибрировала. По залу прошли восемь мужчин,

несущие золотой паланкин, который был укрыт расшитыми шелками и защищен глазурованной плиткой с бирюзово-золотыми драконами.

Когда шаньсэнь встал перед залом, из паланкина вышел император Ханюцзинь. Музыка стихла, и все склонились в поклоне.

– Правитель тысячи земель, – в унисон произнесли мы, – каган королей, Сын Неба, любимец Аманы, наш блистательный суверен Аланди! Да будете вы здравствовать десять тысяч лет!

– Добро пожаловать, лорд Маканис, – поприветствовал император Ханюцзинь. – Для нас большая честь принимать вас в Осеннем дворце.

За дворцом вспыхнули фейерверки, поднимаясь выше звезд.

– Ах! – воскликнул народ, восхищаясь зрелищем.

Я тоже испытала восхищение. Прежде мне не доводилось видеть фейерверков. Как-то раз Сэндо пытался описать мне их, хотя сам никогда не видел.

«Они как цветы лотоса, раскрывающиеся в небе, созданные из пламени и света», – сказал он.

«Как они поднимаются так высоко?»

«Кто-то стреляет ими. – Брат пожал плечами, заметив, как я скептически нахмурилась. – Не делай такое лицо, Майя. Быть может, это магия».

«Ты говоришь так обо всем, чего не можешь объяснить».

«И что в этом такого?»

Я рассмеялась.

«Я не верю в магию».

Но сейчас, когда фейерверки взрывались в небе огненными брызгами желтого и красного на фоне черной ночи, я знала, что магия выглядит совсем не так. Магия – это кровь звезд, капающая с неба, песнь моих зачарованных ножиц, которым не терпится сотворить чудо из нитей и надежды. А не какая-то разноцветная пыль, подкинутая вверх.

Пока народ ликовал, восемь юношей поднесли к императору паланкин. С каждой стороны висели фонарики, освещающая мастерски нарисованного феникса.

Феникс в пару к императорскому дракону. Один вдохнет в нашу страну новую жизнь, а второй поможет ей воскреснуть из пепла войны.

Слуги опустили паланкин, но леди Сарнай осталась внутри. Она так громко рыдала, что я слышала ее даже с конца площади. В некоторых деревнях это считалось традицией – невеста плакала перед свадьбой в знак уважения к родителям, чтобы показать, как она расстроена из-за разлуки с ними.

Но до чего же это не похоже на дочь шаньсэня...

Солдат раздвинул шторы паланкина, и леди Сарнай неуклюже вылезла, чтобы присоединиться к отцу и императору. Ее лицо скрывала расшитая вуаль из рубинового шелка, подол платья, багряный в слабом сиянии луны, тащился следом

за ней. Он даже не мерцал, в отличие от тех платьев, которые я изготовила для нее. Одно, сотканное из смеха солнца. Другое, расшитое слезами луны. И третье, окрашенное кровью звезд. Странно, что Ханюцзинь не настоял, чтобы она надела одно из платьев Аманы и покрасовалась перед шаньсэнем.

Я хмуро наблюдала за рыданиями невесты, ее громкий вой пронзал тишину.

Леди Сарнай поклонилась отцу, а затем упала на колени перед императором.

Медленно и торжественно император Ханюцзинь начал поднимать вуаль. Снова заиграла барабанная дробь, набирая темп и громкость, пока в моих ушах не загудело от оглушительного грохота и мир не закружился.

Затем, как раз в тот момент, когда стук барабанов достиг громогласного апогея, кто-то истошно закричал.

Я быстро открыла глаза. Шаньсэнь оттолкнул Ханюцзиня и схватил дочь за шею. Держа ее, визжащую и брыкающуюся, над восьмидесятью восемью ступеньками Зала Гармонии, он сорвал с нее вуаль.

Невестой оказалась не леди Сарнай.

Глава 2

Лжепринцесса яростно размахивала ногами, длинный атласный подол ее свадебного платья болтался под ней.

– Где моя дочь?! – взревел шаньсэнь.

Все вокруг меня уже делали ставки на судьбу бедняжки. Кто раньше перережет ей горло: шаньсэнь или император? Нет, ее пощадят до тех пор, пока она не заговорит. А вот потом убьют.

– Я... я... я... я н-не знаю, – задыхаясь, пролепетала девушка.

Шаньсэнь отшвырнул ее на каменные ступеньки, и несчастная с визгом упала.

– Найдите мою дочь! – грозно рявкнул он императору. – Найдите Сарнай, или свадьбы не будет! Только война.

От его устрашающих слов все люди на площади притихли.

Где же леди Сарнай? Разве ее не беспокоило, что тысячи людей умрут, если этот союз не вступит в силу?

«Война никогда не кончится, – сказал мне Кетон. Мой младший брат редко упоминал о временах, когда он воевал за Ханюцзиня, и я не могла забыть его слов: – *Если только император и шаньсэнь не заключат перемирие. На заре Нового года они встретились, чтобы заключить договор. Шаньсэнь согласился увести своих людей с юга и вновь присягнуть императору. Взамен тот должен сделать дочь*

шаньсэня императрицей и объединить их семьи. Но дочь шаньсэня отказалась выходить замуж. Я сам ее видел – она сражалась вместе с отцовской армией и выглядела не менее устрашающе, чем любой другой воин. Должно быть, за один только тот день она убила по меньшей мере пятьдесят мужчин! – Кетон выдержал паузу. – Говорят, она грозила покончить с собой, лишь бы не выходить за императора».

Когда Кетон поделился со мной этой историей, я сомневалась в ее правдивости. Какая девушка не захочет стать женой императора?

Но теперь, познакомившись с леди Сарнай – и императором, – я знала правду.

Боже, хоть бы она не натворила никаких глупостей...

Я встала на носочки, чтобы лучше видеть происходящее, и внезапно ощутила острую боль и жжение в глазах. Я быстро потерла их и смахнула слезы, спровоцированные жаром. Но мои глаза воспалились еще сильнее, и я увидела кроваво-алое сияние, отражающееся от влаги на моей ладони.

Нет, нет, нет, только не сейчас! Я прикрыла лицо, чтобы скрыть отметку проклятия Бандура – ужасная цена, которую мне пришлось заплатить, чтобы сшить платья леди Сарнай и обеспечить мир в Аланди.

Мое сердце заколотилось в груди, в животе все затрепетало. По телу прокатилась бурлящая волна жара, и я упала на землю.

Внезапно жжение прекратилось.

Перед глазами прояснилось. Вокруг меня больше не суетились в панике люди. Я слышала, как они галдят, но будто издалека. Мои зрение и слух находились где-то за пределами моего тела.

Я стояла на ступеньках Зала Гармонии. От фейерверков в воздухе воняло серой и селитрой, небо рассекали полосы белого дыма.

Я увидела девушку с подкрашенными розовыми губами и заплаканными глазами и узнала в ней одну из служанок леди Сарнай. К ней подошел император, и слуги подняли ее со ступенек.

Ханюцзинь едва сдерживал свой гнев – его пальцы подрагивали в нескольких сантиметрах от кинжала, золотая рукоять была искусно спрятана под слоями шелкового халата и толстым поясом, на котором висели нефритовые амулеты.

Он присел перед служанкой и, взяв ее за руки, развязал веревку на запястьях. Однажды он и передо мной так сидел, когда я была заключенной. В то время я считала его превосходным правителем и не ведала, что находилась под действием мощного заклинания, которое наложил на императора лорд-чародей.

Без магии Эдана на его шее блестели капельки пота, а спина напрягалась под тяжестью императорского облачения.

Любопытно, заметил ли это шаньсэнь?

Ханюцзинь приподнял за подбородок лицо служанки и

так сильно впился пальцами в ее челюсть, что у нее наверняка останутся синяки. В его черных глазах бушевала холодная ярость.

– Говори, – приказал он.

– Ее высочество... не предупреждала. Она... она попросила нас выпить с ней чаю, чтобы отметить вашу помолвку. Мы не могли отказать.

Служанка уткнулась лицом в подол халата Ханюцзиня.

– Значит, она опоила вас.

От страха девушка начала резко и жадно втягивать воздух.

– Я очнулась в ее одежде, и леди Сарнай пригрозила, что, если я не притворюсь ей, она меня убьет.

Ханюцзинь отпустил ее. Затем поднял руку, вероятно, чтобы приказать увести девушку и где-то казнить без лишней шумихи, как вдруг...

– Лорд Сина пропал! – крикнул один из людей шаньсэня.

Видение оборвалось, и меня словно притянуло обратно в тело. Что бы ни произошло, я снова оказалась среди императорских слуг. В ушах звенело от рева, поднявшегося из-за исчезновения лорда Сины.

– Найдите их! – приказал Ханюцзинь. – Десять тысяч цзеньей любому, кто найдет дочь шаньсэня и приведет ее ко мне! И смерть до девятого колена любому, кто поспособствует ее побегу.

Смерть до девятого колена. Это значит, что казнят не

только виновных, но и их родителей, детей, бабушек с дедушками, дядей и тетей – весь род.

Я безучастно наблюдала, как разбредается толпа; евнухи и ремесленники, солдаты и слуги – все кинулись на поиски леди Сарнай. Мне тоже не стоило стоять на месте, иначе кто-то мог это заметить – или уже заметил, как мои глаза сияли алым.

Но я не могла пошевелиться, пока барабаны грохотали с такой неистовостью, что сотрясались сами облака. От каждого удара меня бросало в дрожь, пробирающую до костей. Это напоминало мне о том, кем я становилась.

«Ты знала, что раньше люди били в барабаны, чтобы отпугнуть демонов? – вспомнила я насмешливый голос Бандура. – Вскоре барабаны будут напоминать тебе лишь о том, как когда-то билось твое сердце. И пропущенные удары сердца, и мороз по коже – признаки поглощающей тебя тьмы. Однажды она лишит тебя всего, что ты знаешь и ценишь: твоих воспоминаний, твоего лица, твоего имени. Даже твой чародей не сможет тебя любить, когда ты проснешься демоном».

– Нет, – прошептала я и прижала руку к сердцу, чтобы почувствовать его неровное биение.

Все же оно билось.

Я не демон. Пока что.

Когда император женится на леди Сарнай и в Аланди наступит мир – когда папа, Кетон и все аландийцы будут в без-

опасности, — тогда я потрачу каждую секунду своего времени на то, чтобы снять проклятие. А до тех пор...

Кто-то схватил меня за локоть, прерывая ход моих мыслей, и потащил прочь с площади.

— Амми!

— Шевелись, мастер Тамарин, — грубовато сказала она, откидывая косу за плечо. — Если так и будешь стоять, тебя отправят в темницу. Тем более всем нам известно, что на самом деле твоя нога не сломана.

После этого она резко развернулась и исчезла в толпе слушанок.

Я ошеломленно моргнула. Руки вяло повисли по бокам, ноги забыли, куда вели меня.

Почему Амми так говорила со мной, будто я ее обидела? Мастер Тамарин.

В моем горле появился комок. По тому, как она обратилась ко мне, я внезапно поняла, что ее так разозлило.

Она знала меня как портного Кетона Тамарина, а не Майю. В утро, когда я вернулась во дворец, император раскрыл всем мою настоящую личность. Должно быть, Амми почувствовала себя преданной, когда узнала о моей лжи от Ханюцзиня, а не от меня. И это после всего хорошего, что она для меня сделала во время испытаний на должность императорского портного.

— Амми! — крикнула я, побежав за ней. — Прошу, позволь мне объяснить.

– Объяснить? – Она прищурила свои круглые глаза, безуспешно пытаясь придать себе безразличный вид. – У меня нет на это времени. На кону десять тысяч цзеней. Возможно, для тебя это уже не так много значит, но для нас это целое состояние.

– Я могу помочь тебе.

– Мне не нужна твоя...

– Я могу ее найти.

Моя подруга замолчала и резко сделала вдох.

– Что тебе известно?

Честно говоря, ничего. Из прошлой Майи лгунья была никудышная, так что она сразу бы призналась. Но в этой небольшой, на первый взгляд незначительной мелочи я уже изменилась.

– Я покажу тебе.

Я сорвалась с места прежде, чем Амми успела возразить, и услышав, как она неохотно плетется следом, направилась к дому леди Сарнай. Мне стоило бы радоваться, что Амми согласилась пойти, и попытаться снова перед ней извиниться, но я не хотела, чтобы она задавала вопросы о местонахождении леди Сарнай. Кроме того, меня тяготило и нечто еще. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы узнать эту свинцовую тяжесть в груди.

Я завидовала леди Сарнай. Завидовала, что у нее есть возможность быть с любимым мужчиной.

У меня с Эданом ее не было.

«Пойдем со мной», – раздалась его просьба в моих ушах.

Он мечтал об этом больше всего на свете. Тепла его руки на моей щеке, прикосновения губ... их было достаточно, чтобы растопить мое сердце.

Но даже будь у меня возможность вернуться в тот момент, я бы все равно произнесла мучительную ложь, чтобы заставить его уйти. Страдания, которые вскоре свалятся на мою голову, лучше пережить в одиночку. Зато Эдан свободен от пут, которые связывали его в течение многих лет.

– Куда мы идем? – раздраженно спросила Амми. – Все остальные ищут ее за воротами.

– Сюда, – ответила я, сворачивая в сад. Мой голос прозвучал сдавленно, но я надеялась, что она не заметит. – Я знаю короткую дорогу к ее дому.

– С чего бы ей быть там?

Я не ответила. Просто перешла на бег.

Я распахнула двери в покои леди Сарнай. Внутри горели благовония, и комнату застилала густая дымка. Я схватила фонарик и посветила им в разные стороны, пытаюсь найти какие-нибудь признаки борьбы.

В спальне мелькнула чья-то тень. Амми вздрогнула.

– Может, нам лучше у...

Я прижала палец к губам и поманила ее следовать за собой.

Мы тихо вошли в спальню леди Сарнай. Шелковые шторы балдахина кровати покачивались, но воздух был неподви-

жен; погода выдалась безветренной.

Поставив фонарик, я раздвинула шторы.

На кровати лежали служанки леди Сарнай – с кляпами во рту и связанные по рукам и ногам простынями. Они были без сознания, но уже начинали приходить в себя.

Я отвернулась от кровати. На полу была раскидана одежда, из-под стола выглядывал порванный желтый рукав. Я присела и подобрала клочок ткани, чтобы изучить его.

Леди Сарнай ненавидела желтый цвет, и ни она, ни ее служанки никогда бы не надели одежду из столь грубого материала.

Такая ткань использовалась при пошиве формы императорской стражи. Судя по виду, порвали ее недавно, края рукава помялись, как если бы кто-то крепко сжимал его в кулаке.

Я снова обвела взглядом спальню. К большому сундуку рядом с ширмой был прислонен меч – слишком громоздкий, чтобы принадлежать леди.

Во внезапной и неконтролируемой вспышке я увидела леди Сарнай и лорда Сину неподалеку от дворца. На них была форма императорских стражей, что помогло им смешаться с поисковыми группами, отправленными по их следу. Видение оборвалось.

– Она не во дворце, – пробормотала я. – Леди Сарнай переоделась в стража.

– Откуда ты знаешь?

Вместо того чтобы ответить, я взяла меч.

– Не смотри, – приказала я Амми.

Она побледнела и послушно вышла из комнаты. Замахнувшись мечом, я ударила по замку на сундуке и подняла крышку. Из него повеяло тошнотворным запахом, и я сразу догадалась, что обнаружу внутри.

Императорского стража с затуманенными смертью глазами.

Над его верхней губой была запекшаяся, почти черная кровь. Ему сломали нос и перерезали горло – это явно сделал кто-то с твердой рукой и знанием, как убить, чтобы человек умер бесшумно и в кратчайшие сроки. Его форму украли.

Из другой комнаты раздался истошный вопль Амми. Я поняла, что она нашла остальных мертвых стражей.

...

– Хорошая работа, – похвалил император Ханюцзинь, когда мы доложили о своей находке.

Амми низко поклонилась и просияла. Всю дорогу к императорским покоем она разрывалась между ужасом от обнаруженных трупов и желанием поскорее оказаться в присутствии своего правителя.

Ныне все ужасы были позабыты, но я не могла ее винить. Оказаться, пусть и ненадолго, в приемной императора – это большее, на что может надеяться обычная служанка.

Хотела бы я разделить ее радость, но чувствовала лишь острый укол раскаяния.

– Она будет одета в форму стражника, – тихо произнесла я. – Лорд Сина тоже. Они отправились с поисковыми группами, чтобы не привлекать к себе внимания. Вряд ли они далеко ушли.

Император вновь заговорил из-за высокой деревянной ширмы, скрывающей его лик:

– Вы единственные свидетели? Больше никто этого не видел?

– Да, ваше величество.

– Если вы говорите правду, то будете вознаграждены. А сейчас – вы свободны.

Я начала подниматься, но услышала звон императорского головного убора.

– Мастер Тамарин. – Не успел он вымолвить следующие слова, как меня уже охватил страх. – Задержитесь на минутку.

Амми с любопытством посмотрела на меня, и я выдавила улыбку, убеждая ее, что все будет хорошо. Но, по правде говоря, у меня было дурное предчувствие.

Ханюцзинь подождал, пока дверь закроется и мы останемся одни.

– Тебя не было днем во дворце.

– Ваше величество любезно предоставили мне выходной от обязанностей императорского портного.

Голос императора огрубел, и от него повеяло смертельной угрозой.

– Где ты была?

Игры закончились. Он знал, что мне ведомо о чарах, которые наложил на него Эдан, и почему он прячется за ширмой.

– Я ходила к алтарю, чтобы помолиться о вашем здоровье и благополучии, – солгала я, – в преддверии свадьбы вашего величества.

Тень императора отклонилась, и он отошел, явно не поверив ни единому слову.

– Уверен, ты знаешь, что мой лорд-чародей пропал.

Значит, он не нашел Эдана.

– Нет, – снова соврала я.

В голос Ханюцзиня просочилось раздражение.

– С трудом в это верится, мастер Тамарин, учитывая, что последний раз его видели с тобой.

Мой пульс участился.

– Ваше величество, я не видела лорда-чародея с тех пор, как продемонстрировала платья леди Сарнай.

– Ты смеешь врать мне?!

Император сердито встал и вышел на свет. Я низко поклонилась, не осмеливаясь на него взглянуть.

Моего подбородка коснулось холодное лезвие кинжала, поддевая меня, как крючок рыбу.

Былая блистательность императора потускнела, но не до конца. Он по-прежнему выглядел внушительно, его плечи –

гордо распрямлены, голос – достаточно пленительный, чтобы заманить тигра в клетку.

Но его лицо начало меняться. Косметика скрывала нездоровый цвет кожи. Губы угрюмо поджимались, зубы увеличились и искривились, а глаза, которые, как мне некогда казалось, излучали летнюю теплоту, были холодными, как у змеи.

Заметив мой взгляд, император вздрогнул.

– Больше я спрашивать не стану. Куда пропал лорд-чародей?

Его кинжал впился в мою кожу, и я посмотрела на свое отражение в гладком лезвии. Девушка в нем казалась незнакомкой, и я едва узнала голос, который спокойно произнес:

– Я бы не осмелилась врать вашему величеству. Я правда не знаю.

Император Ханюцзинь прищурился и долго на меня смотрел, просчитывая что-то в своей голове.

Я ждала с колотящимся сердцем, пока он опустит клинок.

– Он что-то сделал, когда ты надела платье, – прошипел император. – Я видел вспышку света – это была магия, я знаю. Вы все спланировали!

– Если я планировала уйти вместе с лордом-чародеем, то почему я до сих пор здесь?

– Моя стража нашла это у тебя в комнате.

Ханюцзинь поднял черное ястребиное перо.

Эдана.

В моих ушах взревела кровь, но, как ни странно, мне удалось сохранить спокойствие. Это на меня не похоже: еще вчера я бы потупила взгляд в пол и проямлила что-то нечленораздельное, моля императора помиловать Эдана. Сегодня же я чинно сложила руки и склонила голову.

– Лорд-чародей известен тем, что принимает обличье ястреба, чтобы служить его величеству. Если он и посещал мою комнату, то, несомненно, лишь для того, чтобы убедиться, что я работаю над заданием леди Сарнай.

– За время отъезда ты усовершенствовала свое красноречие, Тамарин, – заметил император Ханюцзинь. Его похвала прозвучала натянуто, как он и планировал. – Вы путешествовали вместе в течение многих месяцев. Почему он ушел?

На это я знала ответ. Эдан ушел, потому что я умоляла его. Потому что соврала ему и убедила, что справлюсь самостоятельно. Потому что я нарушила его клятву императору, и если бы он не ушел... одним богам известно, что сделал бы с ним Ханюцзинь.

Но я не могла этого сказать.

Можно было бы солгать, но никакая ложь не уберегла бы Эдана от императорского гнева надолго. Если только...

Я облизнула губы, чувствуя сладкий вкус новой возможности. Затем посмотрела на горло Ханюцзиня, едва прикрытое роскошно расшитым воротником куртки.

«Только подумай, до чего легко будет это сделать», – прозвучал мрачный голос в моей голове. *Мой* голос.

«Если хочешь защитить Эдана, то обязана пойти на это. У тебя есть сила. Ханюцзинь один, и он слаб».

В глазах появилось жжение, и мои пальцы дрогнули от соблазна.

«Да. Сделай это, – голос отдавался глубоко внутри меня, заглушая здравый смысл. – Убей его».

«Нет! – Я впиалась ногтями в ладони. – Уходи».

В моих ушах раздался смех.

«Малышка Майя. Ты знаешь, что это лишь вопрос времени. Я крепчаю с каждой минутой. Вскоре мои мысли будут твоими. Наши мысли сольются воедино. Ты даже не заметишь».

Этого я и боялась. Я сцепила зубы. «УХОДИ!»

Когда смех наконец затих, я разжала пальцы и потеряла красные отметины в форме полумесяца на ладонях.

– Тамарин! – прорычал император. – Если совершь мне, я прикажу привести сюда твоих отца и брата и повешу их!

Злость, вспыхнувшая в моей груди, так крепко сжала ее, что я едва могла сделать вдох. Мне хотелось ответить, что я убью его прежде, чем это произойдет; что я отдамся своей внутренней тьме и раскрошу его кости одну за другой, прежде чем он хоть пальцем коснется моей семьи.

Но я смолчала. Злость ушла так же быстро, как появилась. Я поклонилась до пола.

– Простите, ваше величество, но я не знаю. Я буду молиться, чтобы лорд-чародей и леди Сарнай нашлись.

Я замолчала, ожидая, когда пройдет покалывание рассказа в моей груди. Я сожалела, что пошла обыскивать комнату леди Сарнай, сожалела, что подсказала императору, где ее искать.

Я снова поклонилась, и наконец Ханюцзинь махнул рукой, давая понять, что я свободна.

— Благодарю, ваше величество, — мой голос снова стал ледяным и полным лжи. — Да будете вы здравствовать десять тысяч лет.

Глава 3

Я в испуге проснулась от звона колоколов. До рассвета оставалось еще пара часов, небо было по-прежнему темным, но мне хватило света, чтобы рассмотреть серые завитки дыма, поднимавшиеся от догорающих фонариков.

В колокола неустанно били, и их звон проникал через мои окна. Когда я наконец встала, чтобы закрыть их, то заметила какое-то движение снаружи... и слышала звуки ударов хлыста по коже.

Леди Сарнай. Лорд Сина. Их нашли, и теперь стража избивала виновных.

К спине леди Сарнай прилипли бамбуковые листья, и с ее длинных черных прядей стекала вода. Судя по всему, они успели добраться до реки Лэян, прежде чем стража схватила ее с любовником.

– Больше ты не убьешь ни одного из моих людей, – говорил ей один из стражей. – Не на моей смене. Отведите леди в ее покои, а этого тащите в темницу.

Я прислонилась к стене. Желудок скрутило узлом. Если бы не я, возможно, им удалось бы сбежать.

Счастье леди Сарнай – небольшая плата за мир, напомнила я себе. Семьи больше не будут страдать от потерь, которые пережили мы с папой и Кетоном, когда Финлей и Сэндо погибли на войне.

Так почему же мое облегчение отдавало горечью?

Спустя час я получила свой ответ. В мою комнату ворвался министр Лорса, чтобы объявить, что свадебная церемония продолжится сегодня днем, начиная с Процессии Даров. Мне приказали одеть леди Сарнай в «звездное платье». Немедленно.

...

У дома леди Сарнай дежурил отряд солдат, а у окон за шелестящими ивами стояли в ряд лучники.

Этим утром на ее столе не горели благовония, все фонарики, ранее висевшие на потолке, сняли. Все, что можно было бы использовать в качестве оружия, конфисковали.

Ветер задувал через разбитые окна, которые на скорую руку прикрыли хлопковыми простынями и пергаментом. От мороза на моей коже выступили мурашки.

Я поклонилась.

– Ваше высочество, я прибыла, чтобы подготовить вас к свадебному торже... – я осеклась. Вряд ли леди Сарнай рассматривала сегодняшний праздник как «торжество». – К сегодняшнему пиршеству.

Она не поднялась со стула. Ее густые черные волосы, собранные в косу, блестели от масла в лучах солнца. Но ее пухлые губы пересохли и потрескались, а глаза остекленели и смотрели в никуда. Она выглядела так, будто вот-вот разо-

бьется вдребезги.

Но леди Сарнай была сделана не из стекла. Скорее, из камня. А камень сложно разбить.

– Я могла бы задушить тебя этими платьями, – произнесла она низким голосом, подобным тигриному рычанию. – Если бы не ты...

Леди Сарнай сжала зубы. От ненависти ее дыхание сбилось, и я знала, что, если бы не стража снаружи и ее возлюбленный в темнице, она бы исполнила свою угрозу.

Я потупила взгляд в пол, осторожно подбирая свои следующие слова:

– Я рада, что ваше высочество вернулись в Осенний дворец невредимой. Десять тысяч лет здоровья и благополучия леди Сарнай и его величест...

– Хватит! – рявкнула она. – Думаешь, помогая Ханюцзиню, ты завоюешь его благосклонность?

– Нет, ваше высочество.

Она откинулась на спинку стула и сжала длинными пальцами деревянные подлокотники.

– Когда я стану императрицей, ты первой заплатишься.

Ее слова были смертельным обещанием, но я больше ее не боялась.

– Как пожелаете, ваше высочество.

Леди Сарнай нахмурилась.

– Ты изменилась, – заметила она. – Ведешь себя по-другому. – Ее губы изогнулись в жестокой ухмылке. – Все дело

в чародее, верно?

Я быстро подняла взгляд, встречаясь с ее ледяными глазами. Похоже, леди рассчитывала на такую реакцию, и я мгновенно о ней пожалела.

– Ходят слухи, что он пропал. Заверяю тебя, подобная новость очень заинтересует моего отца, особенно когда сегодня я смогу ее подтвердить.

– Лорд-чародей не пропал, – солгала я.

– Да ну? Я бы не добралась до самой реки Лэян, будь Эдан здесь. – Из ее горла вырвался хриплый смешок. – Не бойся, Тамарин. Ханюцзинь погонится за ним даже на край света. Или ты этого не хочешь?

Она пыталась зацепить меня. Я ужасно с ней поступила, но у нее ничего не осталось, кроме слов, чтобы отомстить мне.

– Я хочу, чтобы вы вышли замуж за императора, – ответила я. – Свадьба – наша единственная надежда на мир.

Ее лицо презрительно скривилось.

– Для мира уже слишком поздно.

Кетон сказал, что Пятизимняя война закончилась лишь потому, что они зашли в тупик. Шаньсэнь боялся Эдана, а Эдан опасался темных сил, что стояли за неизмеримым могуществом шаньсэня.

Но если Эдан ушел, как император одержит победу над шаньсэнем?

Эта свадьба просто обязана состояться.

– Время на исходе, ваше высочество, – тихо сказала я. – Я должна одеть вас в платье.

Две служанки леди Сарнай – ее новые две служанки, Цзюнь и Цзайни, – принесли большой деревянный сундук. Меня охватила горькая зависть, когда я подняла крышку и достала платье из солнца, луны и звезд. Их сияние затопило темную комнату леди Сарнай, и на потолке заплясали золотистые и серебряные лучики.

– Как красиво! – выдохнули служанки. – Они...

– Полагаю, он захочет видеть меня в этом.

Леди Сарнай без лишних слов указала на платье из крови звезд. На черном шелке играл солнечный свет, создавая вспышки неземного цвета, подобно падающим звездам на ночном небе.

Не успела я ответить, как служанки забрали платье из моих рук и повели леди Сарнай за ширму.

Пока я ждала, повернулась к большому палисандровому зеркалу слева. На меня уставились запавшие глаза, изможденные от беспокойства и недостатка сна, из-под шляпы выбились черные прядки. Я коснулась россыпи веснушек на щеках и своих бледных, бескровных губ.

Я стала лишь тенью былой себя.

Леди Сарнай вышла из-за ширмы, пышная юбка платья из звезд вздымалась позади нее. Корсаж затянул ее и без того узкую талию, вырез подчеркнул острые линии плеч и груди. У нас были почти одинаковые параметры, так что платье

идеально ей подошло, как я и предполагала.

Но ткань, ожившая от моего прикосновения всего минуту назад, ныне выглядела мрачно и уныло – цвета обугленной древесины, бесконечной ночи.

– И ты называешь это свадебным платьем? – нахмурившись, спросила леди Сарнай.

Я не знала, что сказать. На мне платье менялось. Юбка переливалась лазурным, индиговым и фиолетовым оттенками, которых не сыщешь даже на Большой Пряной Дороге, и из-за них моя кожа мерцала серебром. Даже император восхищенно засматривался на меня.

Но на леди Сарнай платье выглядело тусклым. Безжизненным.

Я подошла к ней с измерительной лентой наготове и попыталась вывести леди на свет.

– Позвольте проверить...

– Возможно, ее высочеству стоит примерить другое платье? – перебила юная служанка, Цзюнь. – Платье из солнца.

Леди Сарнай прищурилась.

– Принеси его.

Она обращалась ко мне, не к служанкам. Я повесила ленту на руку и подняла платье из солнца со стула.

Леди Сарнай часто заморгала, ее глаза заслезились от яркого света.

– Ваше высочество, вы в порядке?

– Не хочу его надевать, – начала она. – Я...

Леди Сарнай замолчала. Ее рот приоткрылся, плечи задргались вперед и назад. Руки взметнулись, и она начала хрипеть, будто не могла сделать вдох.

– Ваше высочество?! – Цзюнь и Цзайни начали обмахивать ее и держать за запястья, словно это могло помочь. – Ваше высочество, вам плохо?

Леди Сарнай кашляла и сопела. Ее губы двигались, но она издавала только сдавленные звуки.

– Демоны, – с трудом вымолвила она. Ее налитые кровью глаза округлились в панике, и она завизжала: – Демоны! Они сожгут меня!

Леди Сарнай забила дрожь, и она начала царапать корсаж в попытках сорвать его. Служанки взяли ее за руки, чтобы она не упала, но принцесса задергалась и вырвалась из их хватки. Затем вслепую попятилась к стене и запуталась ногами в юбке.

– Тамарин, сними его с меня! – просипела она. – Сними... А затем ее тело с глухим стуком приземлилось на пол.

Служанки закричали, а я уронила платье из солнца и поспешила к леди Сарнай. Положив ее голову себе на колени, я держала ее за шею, пока все ее тело судорожно подрагивало.

Все дело в платье. Нужно снять его, пока оно ее не убило.

Я перевернула леди на живот и начала шупать свой пояс в поисках ножниц. У меня не было времени возиться с дюжиной пуговиц, так что я разрежала платье сзади. По крайней мере, попыталась. Ткань была такой крепкой, что не подда-

лась лезвиям ножниц. Я резала снова и снова, пока нити не ослабли и нам со служанками не удалось стянуть платье.

– Слава богам, – выдохнула я, когда леди Сарнай наконец перестала биться в конвульсиях.

Но мое облегчение долго не продлилось. Ее руки обмякли по бокам, и когда я ее перевернула, она не открыла глаз.

Я выпустила ножницы. Мои пальцы впивались в них с такой силой, что остались отметины. Что произошло с дочерью шаньсэня?

Служанка постарше, Цзайни, прижалась ухом к груди леди Сарнай.

– Она не дышит! – встревоженно воскликнула девушка. – Она не дышит!

– Тихо! – приказала я. – Принеси воды.

Цзайни послушалась, и я выплеснула воду в лицо леди Сарнай, но та все равно не пошевелилась.

Служанки молча подняли ее на кровать.

Глаза принцессы опухли, губы скривились от боли. На ее груди и шее расцветали синяки, а кожа приобрела жутковатый серо-голубой оттенок. Но хуже – и страннее – всего была чернильно-фиолетовая россыпь отметин, поднимающихся по ее телу, словно зловеще мерцающие звезды.

– Она... жива? – спросила я.

Я не могла сказать «мертва». Не могла.

Цзайни уклонилась от ответа, закусив губу.

– Едва.

Мой живот сжался. У леди Сарнай бился пульс, но только прикоснувшись к ее губам, я заметила слабый намек на то, что она дышит. Казалось, будто она погрузилась в глубокий сон и не может проснуться.

Мне вспомнилось предупреждение Эдана: «Эти платья не предназначены для простых смертных».

Он бы знал, что делать. Но его здесь не было, а я не обладала собственной магией... не считая ножниц. Но как они могли помочь леди Сарнай?

Что же делать?

Через час должна была начаться Процессия Даров. Без леди Сарнай свадьбы не будет. Только война.

– Позаботьтесь о леди Сарнай, – сказала я. – Пока она не придет в чувство, я займу ее место на императорской свадьбе.

Служанки повернулись ко мне, их страх сменился тревогой и изумлением.

Я задрала подбородок, показывая свою решимость.

– Никому об этом не рассказывайте.

Больше говорить было нечего; они и так все понимали. Наши жизни зависели от их молчания и здоровья леди Сарнай.

Мой взгляд задержался на платье из звезд, растекшемся черной шелковой лужей на полу. Швы были распороты, корсаж порван, слои юбки помялись. Но у меня не было времени приводить его в порядок.

Я взяла платье из солнца и направилась к ширме.

Я молилась всем Девяти Небесам, чтобы это сработало.
В ином случае Аланди вернется к войне еще до конца этой ночи.

Глава 4

Больше всего я боялась встречаться лицом к лицу с шаньсэнем. Он не выглядел как человек, которого легко обдурить.

– Люди видят только то, что хотят видеть, – пробормотала я себе под нос.

Казалось, что с тех пор, как Кетон дал мне этот совет, прошли годы. Только тогда я притворялась им, а не дочерью шаньсэня. Хотя, как бы это ни было иронично, скорее всего наказание за оба проступка одинаковое.

Смерть уже не пугала меня так, как раньше.

Цзюнь и Цзайни припудрили меня, чтобы скрыть веснушки на носу и щеках, и накрасили губы, чтобы они выглядели такими же пухлыми и алыми, как у леди Сарнай. Затем заплели мои волосы в такую тугую косу, что мне было больно даже думать, и закрепили головной убор с дюжиной свисающих рубинов и изумрудов, которые позвякивали при каждом шаге.

В вуали даже не возникло необходимости. Мое платье было настолько ослепительным, что никто не мог смотреть на меня дольше секунды. Должно быть, смех солнца подпитывался моей нервозностью и возбуждением, поскольку прежде платье еще никогда не сияло так ярко. Оно источало свет каждой нитью, пронзая даже тучи снаружи.

Мое прибытие в Зал Гармонии сопровождалось вос-

хищенным бормотанием придворных. Многие прикрывали глаза от моей блистательности; даже император Ханюцзинь не мог смотреть на меня напрямую. Когда мы вместе пошли по залу, от жара сотканного из солнца платья на его лбу выступили капельки пота, нарушая макияж, который скрывал потускневшее великолепие императора.

Он явно был недоволен, но я игнорировала его хмурые взгляды и улыбалась гостям. Лучше всеобщее внимание будет приковано ко мне, а не к Ханюцзиню. Лучше он будет увлечен своей яростью, чем заметит, что с ним императорский портной, а не леди Сарнай, Жемчужина Севера.

Когда мы дошли до передней части зала, Ханюцзинь занял удобное кресло, обитое атласом, а я встала рядом; блеск платья мерк из-за того, как дрожали мои ноги на высоких каблуках.

К нам начали один за другим подходить министры и придворная знать, чтобы вручить свои подарки. Затем наступила очередь послов из каждого уголка мира: Кияты, Самарана, Фреверы, Тамбуских островов и Балара. Нам преподносили сундуки, полные роскошнейших кружев, нефритовых драконов, чьи чешуйки были высечены с такой деликатностью, что казалось, будто их украли у крошечных рыбок, керамику с позолоченными головами быков, раскрашенную вручную лучшими самаранскими ремесленниками, и деревянные резные изделия из земель, о которых я даже не слышала.

Наконец подошел шаньсэнь. Как отцу невесты, ему выпала честь преподнести подарок последним.

Для такого крупного мужчины он двигался очень быстро. Его щеки огрубели от шрамов, седеющая борода загибалась на подбородке, как кончик церемониального кинжала. Вблизи черты его лица выглядели острыми и безжалостными. Высеченными войной.

– Император Ханюцзинь, я дарю вам скипетр, изготовленный слепыми монахами с Поющих гор. Он должен нести процветание тому, кто правит Аланди.

Дальше он повернулся ко мне, и его пронзительный взгляд остановился на моем сильно напудренном лице. Платье из солнца засияло ярче от моего учащенного пульса. Шаньсэнь хмыкнул и отвернулся, хоть и не прикрыл глаза.

– А тебе, дочь моя, лучшая лучница в Аланди, я дарю этот лук из ясеня, которым ты так хотела орудовать в детстве. – Я услышала легчайший намек на гордость в его словах. – Из всех моих детей ты единственная, кто мог его натянуть.

Лук был таким большим, что загибающаяся часть почти доставала до моей ступни. Его легкость меня удивила, но я все равно угрюмо поджала губы, когда кивнула в знак признательности. Я знала, что леди Сарнай не питала особого уважения к своему отцу.

– На подношении шаньсэня Процессия Даров подходит к концу! – объявил главный министр Юн.

Я едва смогла скрыть свое облегчение. Все гости упали на

колени и поклонились императору, желая ему «здоровствовать десять тысяч лет». Я уже начинала мечтать о том, чтобы никогда больше не слышать и не произносить эту фразу. Затем, наконец, я машинально последовала за императором из зала.

Не думая обо мне, он задал такой темп, что мне приходилось чуть ли не бежать за ним. Я держала голову опущенной и смотрела на золотые плиты, ведущие на улицу, игнорируя лица кланяющихся гостей. Но внезапно сверху раздался ястребиный крик и оторвал мое внимание от пола. Я посмотрела на окна и небо за ними.

Над дворцом парил ястреб, но его перья были серыми, а не черными, и глаза не сияли знакомой желтизной, которая преследовала меня во снах.

«Разумеется, это не Эдан, идиотка! – упрекнула я себя. – У него больше нет магии, чтобы превращаться».

Когда мы вышли из зала, ястреб по-прежнему летал наверху, задевая крыльями облака. Он следовал за нами, пока император не остановился у ближайшего павильона. Я отчаянно надеялась, что Ханюэцинь отпустит меня, чтобы я могла отдохнуть перед сегодняшним банкетом. От каблучков у меня сильно разболелись ноги.

Но что-то я размечталась.

Хлопнув в ладоши, он подозвал одного из слуг и приказал принести мне подарок шаньсэня.

– Тебе наверняка не терпится опробовать новый лук, –

сказал император. – Видишь того ястреба в небе? Я прикажу поварам пожарить его к банкету.

– Охотиться – дурной тон, – напряженно произнесла я, – учитывая, что это день нашей свадьбы.

– О, теперь тебя волнуют приличия? Твоими стараниями в этом дворце хватает смертей. Наверняка боги закроют глаза на гибель одной жалкой птицы.

Он всучил мне лук, и мое сердцебиение ускорилося, из-за чего платье вспыхнуло ярче. Я сжала кулаки и попыталась успокоиться.

– Благодарю, но нет.

– Что ты такая мрачная, Сарнай? – потешался император. – Твой любовничек у меня в темнице. Разве тебе не любопытно, как он там поживает? И жив ли вообще?

Он обошел меня, преграждая мне дорогу.

– Сотня ударов хлыстом прошлой ночью и сотня этим утром. Большинство мужчин не могут столько вынести, но Сина по-прежнему жив. Едва. Он всегда был тихоней. – Ханюцзинь наклонился и прошептал мне на ухо: – Ему обещали прекратить избиения, если он закричит, но он воспротивился. Разве ты не хочешь его увидеть, Сарнай? Стены камеры заляпаны его кровью. Когда он потерял сознание, страже пришлось позвать двух служанок, чтобы вытереть эту грязь. Когда они закончили, мои стражи снова его разбудили для очередной сотни ударов. Интересно, сможешь ли ты его узнать? Теперь он больше похож на безобразное существо,

чем на воина. Вот во что обходится гордость северянина.

Я задрала подбородок и прикусила язык, чтобы воздержаться от резкого ответа.

«Жалкое зрелище, Майя, – глумился голос в моей голове. – Зачем ты сдерживаешься? Попробуй на вкус свою силу. Император слаб. Поставь его на место».

Я напряглась и отмахнулась от голоса. Как бы меня ни искушала мысль, чтобы наказать Ханюцзиня – за то, что он сделал лорду Сине, Эдану и мне, – не стоило забывать, что в данный момент я не Майя, а леди Сарнай.

«Но дочь шаньсэня осадил бы его. Раздавила бы ему пальцы на ногах своим каблуком и поклялась бы убить императора во сне. Задушила бы золотыми цепями, висящими на его шее. Она бы отомстила».

Я запоздало поняла, что сдерживать свой гнев было ошибкой.

Ханюцзинь схватил меня за запястье и притянул к себе. От жара моего платья его щеки покраснелись, а на висках выступила испарина.

– Ты не Сарнай.

Моя маска спокойствия дала трещину.

– Я...

Под мой резкий вдох император сорвал с меня головной убор. Моя шея дернулась, а на мраморный пол павильона посыпались жемчужины и кисточки с драгоценными камнями. Ханюцзинь уставился на меня. Тогда его осенило, и он

недовольно поджал губы.

– Тамарин.

– Ваше величество, я могу объяснить...

– Осторожно подбирай свои следующие слова, портной, – предостерег он, – или они станут твоими последними. Где она?

– У себя. Дело в платье, ваше величество... она не смогла его надеть. Оно... навредило ей.

Секунда молчания. Ханюцзинь обдумал мой ответ. А затем:

– И как она себя чувствует сейчас?

Я замешкалась. Как себя чувствовала леди Сарнай? Честно говоря, магия платья изменила ее до неузнаваемости. Я даже представить не могла, какую боль она испытывала. Только кто-то такой упрямый и черствый, как принцесса, так настойчиво цеплялся бы за жизнь. Однако я все равно сомневалась, что она доживет до конца недели.

Но если бы я сказала императору, что леди Сарнай при смерти, это поставило бы под угрозу их свадьбу. Мне нужно было время, чтобы придумать, что делать, – ради благополучия Аланди.

– Она... поправляется. Служанки за ней ухаживают.

Я ожидала, что он вспылит из-за обмана, но внезапно уголки губ императора приподнялись.

– Ты хорошо ею притворялась. Даже отец Сарнай не смог тебя раскусить.

Он наклонился, и его пересохшие губы коснулись моей щеки, что для всех остальных выглядело как поцелуй. Но на самом деле он грубо прошептал:

– Пожалуй, так даже лучше, но я настоятельно рекомендую тебе не уделять столько внимания птицам в небе.

Я сглотнула. Так вот что меня выдало. Я не знала, что Ханюцзинь так наблюдателен. С другой стороны, я вообще мало что знала о своем императоре.

– Эдан не будет в обличье ястреба, когда его найдут мои люди, – пропел он. – Он будет мужчиной, как Сина. И получит соответствующее наказание.

Ханюцзинь взял меня за плечо и так сильно сжал, что я вздрогнула.

– Я могу быть милосердным, Майя Тамарин. Могу показать ему больше милосердия, чем лорду Сине. Но все зависит только от тебя.

– Я не знаю, куда он ушел, – повторила я.

А даже если бы знала, все равно бы не сказала.

Ухмылка императора улетучилась, и он снова грубо сжал мое плечо, прежде чем наконец отпустить.

– Тогда молись, чтобы сегодняшнее пиршество прошло удачно.

...

На столе перед нами с Ханюцзином стояла сотня разных

блюд – их хватило бы, чтобы накормить тысячу людей. Художник мог бы блаженно умереть, если бы запечатлел своей кистью столь роскошное пиршество: все цвета и текстуры присутствовали, каждая тарелка – тщательно обдуманное произведение искусства как для глаз, так и для языка.

Прошлой Майе претило бы сидеть в центре этого кулинарного театра. Она бы закусывала губу, смотрела в пол и дергала за край рукава, чтобы отвлечься от урчания живота. Однако она бы истекала слюнками от пряного желе из зеленых бобов, слегка присыпанного орехами, древесных грибов, маринованных в уксусе с чесноком, и рыбы с имбирем под сливовым соусом.

Но не сегодня. Сегодня я сидела в своем ослепительном платье из солнца и хладнокровно игнорировала все взгляды в мою сторону. Каждый прожеванный кусочек еды давался мне с трудом.

– Ты почти ничего не ешь, дочка, – заметил шаньсэнь.

Я взяла кусочек жареного карпа. Проглотила его. В нёбо вонзилась косточка, но я и ее проглотила, чуть ли не надеясь, что подавлюсь ею, и меня отправят к себе в комнату.

Ханюцзинь усмехнулся.

– Она злится, потому что я отправил ее любовника в подземелье.

– Ей повезло, что лорда Сину просто посадили в темницу, – мрачно ответил шаньсэнь. – Будь решение за мной, его голова уже висела бы на пике по центру банкетного зала. И

я бы заставил Сарнай выпить его кровь.

– Это было бы неприлично, лорд Маканис. – Ханюцзинь крепко сжал мое плечо. – Его казнь подождет до конца свадьбы.

Я чувствовала, как шаньсэнь изучает меня, будто ждал, что я побледнею. Но кровь отхлынула от моего лица из-за его следующих слов:

– Я заметил, что нет вашего самого важного гостя. Где чародей?

– Уехал по моему заданию.

Я чуть не подавилась от лжи императора, а шаньсэнь нахмурился.

– Он оказывает мне неуважение своим отсутствием.

– А вы оказываете мне неуважение, приведя с собой легион солдат, разбивших лагерь у моего дворца.

Шаньсэнь улыбнулся.

– Это лишь подстраховка, чтобы свадьба прошла по плану.

– Мой чародей готовит собственную подстраховку.

Сплошная ложь. Я безучастно смотрела перед собой, пока слуги выносили новое блюдо – одно из последних. Это был целый фазан, тушеный в красном вине и лежащий на раскаленных углях, от которых к потолку поднимались искры. Гости поаплодировали мастерству и утонченности шеф-повара.

Дым ударил мне в нос, раззадоривая мою нервозность.

Эдан больше не защищал Аланди. Теперь эта обязанность перешла ко мне – мой долг убедиться, что свадьба состоится.

В ином случае шаньсэнь перейдет в наступление. И Аланди сгорит дотла.

Я едва расслышала, как главный министр Юн произнес тост:

– Давайте же выпьем за леди Сарнай!

– Да, – кивнул Ханюцзинь. – За ее здоровье и красоту.

Придворные подняли чаши в мою сторону, не замечая блеска в глазах императора. Но я знала, что он тайно наслаждался тем фактом, что в этот момент дочь шаньсэня извивалась от мук, причиненных серьезной травмой.

Я подняла чашу и выпила. От алкоголя у меня зашипило губы и к щекам прилил жар, но он был недостаточно сильным, чтобы избавить меня от холода, просачивающегося в кровь.

Когда я отставила чашу, в мутной жидкости возникло знакомое расплывчатое лицо. Откуда-то издалека послышался низкий басовитый смех, от которого у меня задрожали руки.

Бандур.

Внезапно шаньсэнь и все императорские гости исчезли. Их места заняли призраки с длинными белыми волосами и блестящими острыми зубами. С их губ стекали тени.

«Сентурна», – звали они, хотя это слово – *имя* – было мне незнакомо.

Призраки протянули ко мне руки, и я отпрянула.

«Возвращайтесь в Лапзур! – хотелось мне крикнуть. – Хватит преследовать меня!»

«Сентурна, мы ждем тебя. Превращение уже началось. Тебе не сбежать».

Кроме призраков, был кое-кто еще: на месте шаньсэня сидел демон.

Не Бандур – он принимал волчье обличье. Этого тигра я никогда не видела. Его пламенные красные глаза прожигали меня.

«Тебе не сбежать».

От страха у меня волосы на затылке встали дыбом.

– Кто ты?

Демон просто улыбнулся и поднял чашу в мою сторону, в то время как призраки кричали:

«СДАВАЙСЯ, СЕНТУРНА. ТЕБЕ НЕ СБЕЖАТЬ. СДАВАЙСЯ...»

Под их вой огонь по центру стола поднимался все выше и выше. Вино расплескалось из чаш, и мир перед моими глазами покрылся алыми пятнами.

«Довольно!» Мое платье вспыхнуло, и я выплеснула свое вино в огонь.

Призраки испарились. Как и демон в обличье тигра на месте шаньсэня. Пламя взревело, и моя бронзовая чаша со стуком скатилась со стола, но в последний момент слуге удалось поймать ее.

Я моргнула.

Призраков больше не было. Только министры, чьи нечесанные бороды намокли от вина. Они ошеломленно уставились на меня. Даже слуги замерли на месте от удивления.

Шаньсэнь тоже не сводил с меня глаз, хмурия густые брови.

– Сарнай, с тобой все в порядке? – поинтересовался император ледяным тоном.

С моих пальцев капало вино, и слуга спешно промокнул их салфеткой. Еще один наполнил мою чашу.

– Да... – начала я, но затем взглянула в нее.

Бандур исчез, но красные глаза остались. Они мерцали, как два гранатовых зернышка, плавающие в мутном белом вине.

Мои глаза.

Меня охватил ужас. Я вскочила со стула и швырнула салфетку на стол, чтобы прикрыть глаза руками.

Отвернувшись от слуг, которые пытались усадить меня на место, я выбежала из зала.

Глава 5

Я не помнила, как потеряла сознание посреди Осеннего дворца, но комната, в которой я проснулась, определенно принадлежала не мне.

Моя голова покоилась на подушке, глаза так пересохли, что было больно моргать. Когда мир немного прояснился, я увидела перед собой императора Ханюцзиня и вскочила с кровати.

Он поприветствовал меня угрожающим тоном:

– Ты проспала целый день, Тамарин. Очень прискорбно, учитывая, что он может быть твоим последним.

От страха мое сердце пропустило удар. Видел ли император мои красные глаза? А шаньсэнь?

Нет, иначе я была бы уже в темнице, а не в комнате леди Сарнай.

– Чтобы подобных выходов, как вчера, больше не повторялось.

– Да, ваше величество.

Мой голос прозвучал хрипло. Грубо.

– Что произошло?

– Я не знаю, – прошептала я. И это правда.

– Все подумали, что ты обезумела от горя из-за заточения лорда Сины. – Император окинул меня взглядом, по-прежнему кипя от злости. – Сегодня ты продолжишь свой маска-

рад, будешь молча есть и праздновать. Если шаньсэнь что-нибудь заподозрит, ты сделаешь все возможное, чтобы развеять его сомнения. Жизни многих людей висят на волоске, Тамарин.

Он говорил так, будто благополучие Аланди было ему небезразлично. Хотя меня это и удивило, я слишком ненавидела императора, чтобы верить его словам.

– Почему бы просто не убить его? – спросила я, едва узнавая саму себя. – Почему бы не отравить шаньсэня? Или заплатить наемнику, чтобы он зарезал его посреди ночи?

Ханюцзинь фыркнул.

– Я не жду, что ты, деревенщина, поймешь тонкости придворной жизни.

– Я не деревенщина...

– Ты будешь той, кем я скажу, – перебил он. – Я – император, и я пытаюсь предотвратить войну, а не начать новую. Если хочешь, чтобы твоя страна выжила, советую надеть это чертово платье и доиграть свадьбу. – Ханюцзинь повернулся к двери. – Подведешь меня еще раз, и я прикажу повесить твоих отца и брата прямо у тебя на глазах.

Я проглотила колкий ответ. «Как ты смеешь угрожать моей семье!» – хотелось мне закричать. Вместо этого я поклонилась, испепеляя взглядом пол. Несмотря на все дворцы, армии и угрозы, император был всего лишь человеком. А вот шаньсэнь, как я начинала подозревать, мог быть кем-то больше.

Я подождала, пока стихнет шорох императорского одевания и шаги стражей сольются с далекими звуками свадебной музыки.

У меня ушло какое-то время, чтобы встать. Мои колени подкашивались, в голове пульсировало эхо голосов, которые я слышала прошлым вечером.

«Сентурна», – звали меня призраки.

Одного этого имени хватило, чтобы по моей спине прошла дрожь. Я не знала, что оно значит, или сколько времени у меня осталось до трансформации. Как только это произойдет, я больше никогда не увижу свое лицо в зеркале. Никогда не услышу своего имени.

Никогда не встречу свою семью. Или Эдана.

Прохладную тишину нарушил чей-то всхлип из комнаты леди Сарнай.

– Леди Сарнай? – позвала я.

Затем пошла в ее спальню. Глаза принцессы были зажмурены, на ее шее и груди выступили темно-серебристые вены. На столе рядом с ней лежала стопка сложенных полотенец. Я намочила одно в миске с водой и прижала ко лбу леди Сарнай.

Меня охватило чувство вины. Это из-за моего платья она так обезобразилась. Присев рядом с ней, я взмолилась всем богам, которые могли слушать:

– Прошу, позвольте леди Сарнай исцелиться, – прошептала я. – Ради Аланди.

Цзюнь и Цзайни уже готовили для меня лунное платье. По их испуганному молчанию я догадалась, что император Ханюцзинь угрожал им так же, как и мне. Их жизни зависели от моего успеха с шаньсэнем.

«Мой отец стремился направить их силы на императора Ханюцзиня, – сказала леди Сарнай, – но... нельзя торговаться с демонами, не заплатив высокую цену».

«Чего ему это стоило?» – гадала я. Связано ли это с демоном-тигром, которого я видела на месте шаньсэня прошлым вечером, когда появились призраки?

– Я сама могу одеться, – сказала я, отпуская служанок.

Когда они ушли, я подняла лунное платье. Оно было самым неброским из трех, его серебристая парча откидывала мягкое сияние на мою кожу, как лунный свет, мерцающий на гладком пруду. Если юбка платья из солнца расширялась, как колокольчик, то эта была узкой. Ткань струилась от моей талии по прямой линии, как флейта, и подол, мягкий и легкий, словно лебединые перья, доставал мне до пяток.

Я вынула волшебные ножницы и разрежала юбку. Невидимые нити сплелись сами по себе, а с внутренней стороны появился карман.

Прежде чем я успела передумать, я потянулась за клинком, который прикрепила к спине под одеждой, и подняла его к своим губам.

– Джин, – прошептала я секретное слово, пробуждающее магию клинка. Одно из первых имен Эдана.

Дрожащими пальцами я достала орудие из ножен и заметила свое отражение в блестящей стали. Но меня интересовала другая сторона кинжала.

До чего безобидно она выглядела. Как серый неотшлифованный камень – по крайней мере, для несведущих глаз.

Я же знала, что это не камень, а метеорит. Пыль звезд.

Я своими глазами видела его воздействие на демонов и призраков. Одно легкое прикосновение к клинку обожгло плоть Бандура, и она задымилась.

Затаив дыхание, я растопырила пальцы над метеоритом, набираясь храбрости, чтобы коснуться его.

«Сейчас», – сказала я себе и прижала пальцы к клинку. С моих губ сорвался беззвучный крик. Я почувствовала укол. Просто укол. Кинжал не обжег меня.

Моя плоть по-прежнему принадлежала мне. Я все еще человек. Пока что.

Я отложила кинжал, и постепенно его сияние потускнело. Затем спрятала его в ножны и положила во внутренний карман.

Я носила кинжал с собой, потому что он был мне дорог, и я боялась, что люди императора обнаружат его в моей комнате. Но если я не ошиблась и шаньсэнь не тот, кем кажется, оружие мне пригодится.

Я молилась о том, чтобы мое предположение было неверным.

Глава 6

Перед Великим храмом горели три огромные курильницы, возле которых монахи распевали на староаландийском. В этот заключительный день императорской свадьбы Ханюцзинь и Сарнай должны были сделать подношение, чтобы попросить богов о благословении их союза.

– Трижды поклонитесь на юг, – скомандовал священник, – дабы Бессмертные Воды и Ветра благословили этот брак и поприветствовали ее высочество леди Сарнай, императрицу Аланди, Дочь Неба.

Стоя бок о бок, мы с императором опустились на упругие шелковые подушки. Когда мы закончили кланяться, прозвучал гонг, обозначающий, что нужно сменить направление. Пока священник давал новое благословение, мой разум опустел. Все, что мне требовалось, это пережить сегодняшний вечер. Аланди снова будет единой, и я смогу уверенно заявить, что сделала для своей страны все, что было в моих силах.

Когда церемония завершилась, мы с императором отправились на заключительный свадебный банкет. После него нас ждал ритуал для подтверждения, что брак был консумирован.

Я не планировала так долго задерживаться во дворце. Император шел на три шага впереди меня, а я следовала за ним

с высоко поднятой головой, которую венчала корона в виде феникса с жемчужными нитями, скрывавшими мое лицо. Если платье из солнца было таким ослепительным, что никто не мог даже взглянуть на меня, то платье из луны источало лишь мягкое сияние, но в то же время его серебристый свет был ярче тысячи фонариков, освещавших дворец. Даже под дневным солнцем оно светило как светоч великолепия, и все внимание гостей было снова приковано ко мне, а не к императору. На сей раз он не злился. Это было частью его замысла.

В воздухе пахло вином и насыщенными ароматами трех сотен разных блюд: жареной рыбы и тушеной свинины, тофу, приправленного восемью специями, и хрустящих креветок, жаренных с ананасами, которые привезли с Тамбуских островов. На праздник съехались лучшие акробаты, танцоры и музыканты со всей Аланди, и они весь день развлекали гостей своими талантами. В иной ситуации я бы даже наслаждалась их выступлением.

Когда наконец пришло время пиршества, шаньсэнь занял свое место напротив нас с императором. Он смеялся, пил со своими людьми и отпускал завуалированные колкие комментарии в сторону императора, но я чувствовала на себе его взгляд. Пустое место справа от него должен был занять лорд Сина. Я гадала, действительно ли кто-нибудь поверил, что моя вчерашняя выходка была спровоцирована горем.

Что-то мне подсказывало, что шаньсэнь на это не купился.

– Леди Сарнай, – обратился слегка охмелевший воин шаньсэня, – ваше платье затмевает луну. Мы думали, что прекраснее наряда, который был на вас вчера, просто не бывает, но Жемчужина Севера снова подала пример этим южным придворным дамам. – Он рассмеялся. – Моя жена тоже захотела заказать себе платье у вашего портного.

Я открыла было рот, но Ханюцзинь опередил меня:

– Мы передадим императорскому портному пожелания вашей жены, лорд Лавар, в знак перемирия между Севером и Югом.

– Я слышал, что императорский портной – женщина, – продолжил лорд. – Она, должно быть, очень талантлива, раз смогла сшить платья Аманы.

Шаньсэнь хмыкнул.

– Приведите ее. Я хочу познакомиться с этой девушкой.

Я затаила дыхание, пытаясь не смотреть на Ханюцзиня.

– У меня есть идея получше, – не моргнув и глазом, сказал император. – Леди Сарнай, почему бы вам не продемонстрировать потрясающую силу вашего платья?

Мне потребовалось все смирение, чтобы не окинуть его испепеляющим взглядом. Это что, шутка?!

– Я не в праве пробуждать силу богини, ведь она мне не принадлежит, – ответила я так сухо, как только возможно.

– Наконец-то моя дочь заговорила, – проворчал шаньсэнь, прищулив глаза. Он знал, что со мной что-то не так. – Ты никогда не отличалась скромностью, Сарнай. Ну же, покажи

нам, на что способно это платье.

Вместо того чтобы встать, я заставила себя положить в рот кусочек жареного голубя и упрямо жевала его.

– Она все еще злится на меня, – посмеялся Ханюцзинь. К нему присоединился хор смущенных смешков. – Встань, Сарнай. Покажи нам силу Аманы.

Меня удивило спокойствие императора. Неужели я его недооценила? Чары Эдана придавали ему величественный вид, но я начинала подозревать, что он не нуждался в магии, чтобы очаровывать всех своей речью.

Ханюцзинь не оставил мне выбора, так что я демонстративно отложила салфетку и медленно поднялась со стула, намеренно растягивая время.

На лунное платье у меня ушло больше ткани, чем на все остальные: у него были длинные рукава и легкая куртка поверх корсажа, перевязанная широким расшитым поясом. Каждый сантиметр платья украшали маленькие жемчужины, символизируя слезы луны. Пришивать их к ткани было трудоемкой работой, но она полностью себя окупала. Жемчужины переливались почти как лунное сияние на воде – потрясающее зрелище.

Я расправила рукава, позволяя им упасть к полу, и плавно повернулась, игнорируя громкие крики и восклицания гостей, когда ткань замерцала серебристым светом.

Только шаньсэнь выглядел так, будто моя демонстрация не произвела на него никакого впечатления.

– Стразы и блестящий шелк едва ли представляют силу Аمانы. Уверена, что портной тебя не ободрал, дочка?

– Платье расшито слезами звезд, – ответила я со стальными нотками в голосе. Я на многое пошла, чтобы создать эти платья. Как кто-либо мог в них сомневаться?

Я собрала юбку и сжала ткань в кулаках. Как ему доказать, что он не прав? Я нашла взглядом луну за решетчатым окном, обрамленным прозрачными шторами, которые легонько танцевали на осеннем ветру. Луна выглядела такой же изголодавшейся, как прошлой ночью, – всего лишь тонким серпом. По легенде это значило, что богиня луны не видела своего возлюбленного, бога солнца. Такая возможность появлялась только в полнолуние, и тогда богиня становилась счастливее.

Эта история натолкнула меня на мысли об Эдане. Вероятно, я больше никогда его не увижу, никогда не окажусь в его объятиях, никогда не почувствую тепла его кожи, прижатой к моей, никогда не услышу его голос, ласково произносящий мое имя.

Мы были как луна с солнцем, делившие одни звезды, одно небо.

Каким-то образом благодаря этому я почувствовала, что мы не так уж далеко друг от друга. Моему сердцу перестало быть так одиноко. Так холодно. На секунду тьма внутри меня ослабла, и платье ожило...

– Смотрите! – воскликнул один из министров. – Платье!

Оно...

«Сияет» – это мягко сказано. Я понимала, почему он осекся, пытаюсь подобрать подходящее описание. Мое платье вспыхнуло светом, затопившим весь зал, как если бы с потолка начали падать звезды. По помещению пронесся мощный порыв ветра, за которым последовала внезапная вспышка.

Все свечи, как по щелчку, одновременно погасли, и бронзовые кубки с фарфоровой посудой запели от невидимого поцелуя. Некоторые гости нырнули под банкетный стол, а остальные восхищенно воззрились на платье.

Когда все закончилось, слуги поспешили вновь зажечь свечи, и зал разразился аплодисментами. Даже шаньсэнь слегка улыбнулся с выражением любопытства на лице. Император купался в лучах славы, будто это он создал платье Аمانы.

Майя Тамарин, императорский портной, была всеми забыта. Как и леди Сарнай, Жемчужина Севера.

Но я – кем бы я ни была в эту секунду – не забыла.

Я вернулась к столу, пытаюсь собрать мысли в кучу. Платье прекрасно мерцало, его ткань источала загадочный лунный свет – и этого хватило, чтобы впечатлить шаньсэня.

Но это не могло быть все, на что способны платья Аمانы. Я видела, как их сила уничтожила леди Сарнай, обезобразила ее до неузнаваемости. Какие еще тайны они скрывали в себе?

Обернутся ли они против меня, когда я стану демоном? Или падут вместе со мной?

Скрывая свои полные тревоги мысли за каменным выражением лица, я тихо села рядом с императором.

— Очень впечатляюще, — кивнул шаньсэнь. — Но, в отличие от южан, я знаю свои предания: силу платьев Аманы может пробудить только портной, который их сшил. — Сосредоточившись на мне, его темные глаза заблестели, как два отшлифованных камня. — Так что либо ты не моя дочь, либо это не платье Аманы.

В моем горле возник комок.

— Я твоя дочь. И это платье Аманы.

— В последнем я не сомневаюсь, — шаньсэнь хмыкнул и показал на лук из ясеня, который сам же подарил. Он висел посередине банкетного зала, выделяясь среди других свадебных подарков.

Один из слуг принес оружие, и шаньсэнь всучил его мне в руки.

— Только у Жемчужины Севера хватит силы, чтобы орудовать им.

Слуги преподнесли мне коробочку с выкрашенными в алый стрелами, и когда я взяла одну, шаньсэнь повел меня от банкетного стола на пустую площадку, где я смогла бы продемонстрировать свои навыки с луком.

Это чудо, что у меня не дрожали руки. Я никогда раньше не стреляла. Мне ни за что не пройти проверку шаньсэня.

– Куда мне целиться? – спокойно поинтересовалась я.
Он погладил бороду.

– В тигра на моем знамени в другой части зала. Для тебя это не должно составить труда, Сарнай.

Я, прищурившись, посмотрела на изумрудное знамя, на котором был вышит величественный белый тигр, стоящий на фоне горы.

– Это так необходимо? – встрял Ханюцзинь. – Это банкет, лорд Маканис, а не испытание.

– Если Сарнай та, за кого себя выдает, это будет не испытание, а детская забава. Ее любимое развлечение.

Я сглотнула и подняла лук. Спустя ужасную секунду, во время которой я пыталась натянуть тугую тетиву, я поняла, что это в не в моих силах.

«Помоги мне, – обратилась я к магии, мерцающей в моем платье. – Если я этого не сделаю, Аланди придет конец».

Что-то сдерживало могущество моего платья. Что-то душило его магию. Душило меня.

Мое горло словно сковал мороз. На вкус он был горьким и металлическим, как железо, оставленное в снегу. Как зачерствевший лунный свет.

«Амана тебе не поможет, – раздался ледяной шепот, поразительно напоминавший мой голос. – Но я могу».

Мой разум заполонили тени, вплетая тьму в мои мысли.
«Нет!»

Прежде чем я успела воспротивиться, меня наполнила

сверхъестественная сила, и я натянула тетиву. Мои руки двигались по чужой воле, направляя лук. Я пыталась вернуть себе контроль, но меня охватили смешанные чувства. Если я провалю эту проверку, шаньсэнь узнает, что я не его дочь.

«Это твой шанс, – соблазнял меня внутренний голос. – Убей шаньсэня. Спаси Аланди».

«Если он умрет, войны не будет».

На висках выступили капельки пота, перед глазами все плыло от усилий, которые я прилагала, чтобы игнорировать голос у себя в голове. Зеленое знамя впереди начало покачиваться. Нет, весь мир покачивался, и стены вокруг меня окутали тени, которые больше никто не видел.

«Сделай это, Майя. Убей его. УБЕЙ!»

Всего на секунду тьма поглотила меня целиком. Но этой секунды было достаточно, чтобы все изменить. Я направила лук влево и нацелила стрелу в грудь шаньсэня. И выпустила ее.

Алая стрела со свистом рассекла воздух, летя прямо в цель. Я застыла от ужаса. Выстрел был точным. Ни один мужчина не мог двигаться достаточно быстро, чтобы избежать такой смерти.

Однако в последний момент стрела немного поменяла траекторию и вонзилась не в сердце шаньсэня, а он вытащил стрелу из плаща.

Придворные снова разразились аплодисментами. Император Ханюцзинь, стоявший рядом со мной, расплылся в

плохо замаскированной ухмылке, и шаньсэнь скрестил руки.

– Только у Жемчужины Севера хватит силы, чтобы орудовать им, – повторил император. – Она ваша дочь.

Шаньсэнь только хмыкнул и вытащил стрелу из плаща, но я заметила его мрачный взгляд в мою сторону. Он исчез до того, как я успела обдумать, что это значит, и шаньсэнь швырнул сломанную стрелу на пол.

– Да начнется торжество! – объявил император Ханюцзинь.

Все вернулись к еде и вину, а шаньсэнь проводил меня к моему месту. Сердце у меня гроыхало в ушах, глаза снова начало жечь, в жемчужинах, покачивавшихся перед моим лицом, отражался алый блеск.

Меня охватила паника. «Беги, – приказала я себе. – Уходи отсюда, пока никто не заметил».

Но я не могла уйти, как прошлым вечером. Иначе Ханюцзинь исполнил бы свою угрозу и убил папу с Кетоном.

Кроме того, на меня все равно никто не обращал внимания.

«Никто, кроме шаньсэня».

Молясь, чтобы он не заметил, я считала свои шаги, как некогда стежки, чтобы успокоить бурю эмоций. «Десять шагов до стула. Девять. Восемь. Семь».

«Шесть». Один из слуг принес поднос со свечами, чтобы заменить те, которые погасило мое платье. Сияние пламени обожгло мои глаза, и по щекам покатились слезы.

«Пять». Я больше не могла этого терпеть. Отвернувшись от свечей, я совершила фатальную ошибку.

Шаньсэнь схватил меня за руку.

– С твоими глазами что-то не так, дочка.

Я попыталась вырваться из его хватки, но он был слишком силен.

– Отпусти меня.

Пока я пыталась вырваться, заметила блеск черного камня среди складок его халата. Амулет, как у Бандура, только с головой тигра. Прежде чем я успела рассмотреть что-либо еще, амулет снова скрылся из виду, и шаньсэнь сорвал с меня головной убор.

В зале воцарилась гробовая тишина.

– Ты не моя дочь, – процедил он.

С силой, которой никак не мог похвастаться обычный мужчина, он толкнул меня в стену и перевернул банкетный стол. Послышался звон битых тарелок и крики гостей.

– Я объявляю этот брак недействительным! Перемирие окончено!

В руках его людей сверкнули кинжалы и отравленные клинки. Не успела я моргнуть, как стражам императора Ханюцзиня перерезали глотки.

Я словно приросла к полу. Я не слышала криков или глухих ударов, с какими мертвые стражи падали на пол. Не видела их кровь, сочащуюся сквозь шелковую алую скатерть и пачкающую вышитые золотыми нитями символы императо-

ра и леди Сарнай.

Мое внимание было полностью приковано к шаньсэню. Его зрачки сузились, тигриная шкура на плаще начала покрывать всю кожу, а ногти превратились в длинные и острые когти.

Амулет, который я заметила чуть ранее, ныне висел на его груди; на вырезанной из камня звериной морде постепенно расцветало темное пятно, как чернила, растекающиеся по картине.

От амулета поднялись завитки белого дыма, и шаньсэнь втянул их носом. Когда я посмотрела на него в следующую секунду, он уже не был человеком.

Он стал демоном – тигром с белоснежной, как кость, шкурой и блестящими черными глазами. Мгновение, и шаньсэнь прыгнул на императора Ханюцзиня.

Глава 7

Он перемещался с невероятной скоростью – быстрее, чем способен уловить человеческий глаз, – и каждое его движение было смертельным и тщательно рассчитанным. Куда бы он ни направился, там сразу поднималась буря крови и смерти.

Палочки ударились о фарфоровые пиалы, чашки разбились о пол. Мебель трещала – или это звук ломающихся костей? Я не могла разобрать. Мир передо мной то расплывался, то становился четким, от алых вспышек вращающихся фонариков болели глаза.

Мне стоило бы убежать, но я не могла. Я вообще ничего не могла сделать, кроме как смотреть в черные, как зола, глаза шаньсэня, с содроганием понимая, что однажды мои собственные будут выглядеть такими же пустыми. Такими же бездушными.

В мою сторону полетела тарелка с рыбой, приготовленной на пару, и, пригнувшись, я спряталась под банкетным столом.

Там уже сидели трое слуг – их зубы стучали, шеи блестели от пота. Они прикрывали друг другу уши, чтобы заглушить крики гостей, и молились о том, чтобы выжить.

С каждой минутой воздух все больше насыщался едким запахом соли и железа, сдавливая мое горло до тех пор, по-

ка меня не затошнило. Я пыталась сосредоточиться на разлетающейся во все стороны еде вместо падающих трупов. Их было слишком много, чтобы сосчитать.

Рядом со мной упал министр, чей ярко-синий халат был разорван на торсе. Слуги в ужасе отпрянули, но я утянула министра под стол для защиты.

На его шелковом одеянии расцветала темная кровь, окрашивая в багряный золотые пуговицы и пятная нефритовые амулеты на поясе, которые носили многие министры. Они верили, что нефрит защитит их от болезней и неудачи.

Я хотела было прижать ладони к ране, чтобы остановить кровотечение, но министр схватил меня за руки. Его губы уже посерели, произнося слова на последнем издыхании. В этот момент я заметила, что моя кожа холоднее, чем его; холоднее, чем смерть.

Министр открыл рот и издал какие-то нечленораздельные звуки.

– П-помогите, – взмолился он. А затем прижал мой рукав к своему лицу, словно магия платья могла воскресить его.

Я осторожно разжала его пальцы, сомкнувшиеся на моем рукаве. Но министр уже перешел в иной мир.

Мое горло сдавило от сожаления, и я закрыла глаза. Когда я начала читать молитву за упокой, стол затрясся, и слуги закричали, что он сейчас развалится.

Я быстро выползла и прижалась спиной к стене. Императорские стражи по-прежнему боролись с шаньсэнем, и один

из них поплелся в мою сторону. Его грудь кровоточила от глубоких царапин, оставленных когтями. Когда я наклонилась вбок, чтобы убраться с его дороги, что-то больно впилось в мое бедро.

Кинжал!

Я достала его из кармана и сомкнула пальцы вокруг деревянной рукояти.

– Джин, – прошептала я и быстро вытащила оружие из ножен. Метеоритный край клинка слабо засиял серым цветом.

Я прижала кинжал к себе. Мне лишь единожды доводилось использовать его силу – против Бандура на островах Лапзура. Оставалось лишь надеяться, что сегодня он сработает.

Вскочив на ноги, я закричала:

– Лорд Маканис! Вы меня пропустили!

Он повернулся ко мне и пересек весь банкетный зал в три стремительных прыжка. Его туша раздавила бы мои кости, но в последний момент он споткнулся обо что-то задними лапами и приземлился чуть дальше меня.

Его звериные черты лица исказились от изумления, из горла вырвалось недовольное рычание. Я подняла кинжал, чтобы показать свою силу. Магия метеорита заставила его промахнуться.

«Он не демон», – внезапно поняла я. Его глаза были черными, а не красными, как у Бандура... или у меня. Из ран сочилась яркая человеческая кровь, а не дым. Что же он такое?

Независимо от ответа на этот вопрос, я замахнулась. Даже на четырех лапах шаньсэнь был выше меня, так что мне пришлось подпрыгнуть, чтобы попасть по его шее. Метеорит царапнул плоть, и шаньсэнь издал ужасающий рев.

Его когти задели мою руку, и по ней начала стекать кровь.

Я не чувствовала боли, только злость, когда вонзила клинок в ребра шаньсэня. Он крутился и извивался, и его лицо исказилось в гримасе, постепенно меняясь с тигриного на человеческое.

Наконец передо мной предстал мужчина. Но прежде чем императорские солдаты успели схватить его, он накинул на голову капюшон с меховой отделкой и крикнул:

– Гиюрak!

Поднялась сильная буря, и из пепельного вихря позади военачальника выросла тень огромного тигра, сгибаясь над ним.

Демон шаньсэня.

С секунду, показавшуюся вечностью, он просто смотрел на меня. Глаза у него были красные, как киноварь, которую использовали в качестве пигмента для драгоценного аландийского алого лака, и такие бездонные, что в них ничего не отражалось, даже душа.

Затем я моргнула, и шаньсэнь исчез.

В банкетном зале воцарилась гробовая тишина. Несколько красных фонариков по-прежнему раскачивались на потолочных балках, откидывая круглые мерцающие тени и освещая

щая опадающий пепел.

Я с колотящимся сердцем опустила кинжал и обвела взглядом помещение. Десятки слуг, министров и гостей были мертвы, еще больше – ранены. Сам император прятался за сломанной ширмой, которую окружали трупы его телохранителей.

Отодвинув тела, он встал – его наряд был испачкан в крови и саже, но сам император остался невредимым.

Мне нужно было уйти. Покинуть это кладбище, пока никто не понял, что я сделала.

Нырнув в тень, я спрятала кинжал в ножны и выскользнула из зала в ночь.

...

Я была не настолько глупа, чтобы полагать, что император наградит меня за то, что я защитила его от шаньсэня. Теперь, когда он увидел, что я обладаю магией, он никогда и ни за что меня не отпустит.

Я сорвала с себя лунное платье, и мое тело яростно содрогнулось. Каждый его сантиметр болел, и в кончиках моих пальцев пылал мучительный жар, пока я спешно собирала вещи.

Из-под кровати выглядывали рваные нити моего зачарованного ковра. Казалось, прошел целый век с тех пор, как я соткала его всего из двух мотков синей и красной пряжи,

лишь отчасти веря, что он когда-либо взлетит. Теперь я лучше понимала цену магии. Как и у меня, у ковра почти не осталось времени.

Я подхватила его, письма от папы и свой альбом для набросков. У меня не было четкого плана, куда направиться дальше, но думать об этом было некогда.

Я лишь единожды позволила себе задержаться, чтобы выпить воды и смочить пересохшее горло. Внезапно мое сердце сковало льдом. Свечи на столе замерцали, а затем большинство из них потушил странный порыв ветра.

Но откуда в комнате взяться ветру? Все окна были закрыты.

Вдруг я увидела волка, притаившегося у двери. Его имя, обжигая, поднялось по моему горлу и сорвалось с уст:

– Бандур.

Демон вошел в комнату и прислонился к стене, царапая когтями пол.

– Такой силе невозможно противостоять, верно?

Я убрала руку за спину, чтобы достать кинжал, и обхватила пальцами рукоять.

– Убирайся отсюда.

– Ты чувствуешь, как прямо в этот момент она покидает тебя. Дыхание становится затрудненным, и мало-помалу она тебя душит. Ты чувствуешь, как огонь внутри тебя гаснет, – беззаботно произнес он. – Раздуй это пламя, Майя. Дай ему разгореться.

Я закинула мешок с вещами за плечо и направилась к двери.

Бандур прыгнул, чтобы преградить мне путь.

– Теперь, когда ты попробовала ее на вкус, она начнет поглощать тебя быстрее. У тебя осталось мало времени, Майя Тамарин. Забытые острова зовут тебя. – Он обхватил меня лапой за запястье, впиваясь когтями в кожу. – Ты ведь слышала голоса?

Слышала.

«Сентурна, – молили они. – Сентурна, вернись. Ты нужна нам».

Когти еще глубже вошли в кожу. Пытаясь не кривиться от боли, я вырвала свою руку из его хватки и достала кинжал.

– Джин!

Клинок выскочил из ножен, мерцая метеоритной стороной. Крепко обхватив его, я повернулась к Бандуру и пронзила его сердце...

Но демон обратился дымом, и мой кинжал рассек лишь воздух.

Смех Бандура отразился от стен комнаты.

– Какой запал! Из тебя выйдет хороший страж.

– Покажись! – потребовала я. Мой голос дрожал, рука с кинжалом тряслась.

Бандур возник в зеркале.

– Поспешి, Майя. Если удержишься, я прикажу своим призракам уничтожить все, что ты любишь. – Он призаду-

мался. – И начну, пожалуй, с этого дворца.

– Вперед, – огрызнулась я. – Мне плевать на императора.

– А как же твои друзья, которые живут здесь? Столько невинных жизней... Твои руки и без того испачканы в крови, милая Майя, особенно после сегодняшнего дня.

Я посмотрела на рану на своей руке. От отражения Бандура поднялся завиток дыма, задевая мою кожу. К моему ужасу, это прикосновение исцелило меня.

– Что с шаньсэнем? – прошептала я.

– Он заключил сделку с Гиурак, – ответил Бандур, – демоном из северного леса.

– *Гиурак*, – повторила я. Значит, это имя демона шаньсэня.

– До тех пор, пока сделка не будет завершена, ее сила будет жить в нем.

– Чтобы завоевать Аланди. – Я резко втянула воздух. – А что будет потом?

– Потом она заберет, что ей причитается. Свою кровавую плату.

Я передернулась.

– И что это?

– Тебе-то какая разница? – спросил Бандур, глядя меня по волосам. Я отпрянула, и он рассмеялся. – Скоро ты будешь связана с островами Лапзура, а я наконец получу свободу.

– Я никогда не отправлюсь в Лапзур, – процедила я.

– Ты сама знаешь, что это ложь. Каждую ночь его воды

манят тебя к себе, а призраки призывают вернуться обратно.
Я сжала кулаки. «*Сентурна*».

Тень Бандура нависла над лунным платьем, омрачая его серебристое сияние.

– Не лги себе, – произнес он с жалостью в голосе. – Ама на тебя не спасет. Скоро сила внутри тебя поглотит и платья. Ты станешь уникальным стражем, вооруженным солнцем, луной и звездами.

А затем – так же бесшумно, как появился – он исчез. Я пошла к двери, отказываясь поддаваться страху из-за визита Бандура.

Что, если он прав? Возможно, у меня нет иного выбора, кроме как прислушаться к зову. Но я не сдамся без боя.

Сцепив зубы, я коснулась зажившей кожи на руке. Значит, о шаньсэне говорили правду. Он действительно заключил сделку с демоном, чтобы захватить Аланди.

Без Эдана у императора Ханюцзиня не было ни единого шанса выстоять против шаньсэня.

«Ты могла бы остаться, – заискивающе произнес мой внутренний голос. – Помочь ему. Внутри тебя скрывается могущество демона».

Это правда... возможно, я смогла бы помочь, если бы осталась. Может, мне...

– Нет! – строго отрезала я.

Я отмахнулась от голоса, прекрасно зная, что на самом деле за этими соблазнительными мыслями стоял демон, пыта-

ющийся пробраться в мой разум. Чем чаще я буду использовать свою темную силу, тем быстрее превращусь в монстра.

«Тогда у Аланди нет надежды. Все твои жертвы были впустую».

Я сжала кулаки. Эдан назвал меня надеждой Аланди. Он ушел, веря, что я могу спасти нашу страну.

Мне стоило сказать ему правду.

Я посмотрела в зеркало. Мое лицо выглядело бледным, румянец не красил щеки, некогда теплый карий цвет моих глаз стал тусклым и безжизненным.

– Я не смогу помочь Аланди, если стану демоном, – сказала я своему отражению.

Я выполнила свой долг перед императором и больше не обязана оставаться во дворце.

Вместо этого я найду способ одолеть Бандура и освободиться от его проклятия. Даже если это значит, что придется вернуться на острова Лапзура.

Но обо всем по порядку. Я не могла незаметно сбежать из дворца в лунном платье. Открыв сундук, я нашла два ореха и стеклянный пузырек, в которых хранила солнце, луну и звезды во время нашего с Эданом путешествия.

Они были завернуты в шелк и атласные обрезки. При моем прикосновении орехи и пузырек задрожали, словно одержимые демонами, и запрыгали по полу, пока не... соединились.

Теперь на их месте лежал круглый стеклянный кулон в ви-

де ореха с ровной трещиной посредине. Он висел на тонкой цепочке из золота и серебра.

Кулон был меньше моей ладони, размером примерно с амулет, который носил император Ханюцзинь... и Бандур.

У Бандура тоже была трещина в центре.

По моей коже прошла дрожь, когда я надела цепочку на шею и сжала кулон в кулаке. Тот засиял, и я с затаенным дыханием наблюдала, как лунное платье начало сматываться. Его серебристые ленты кружились, а само платье становилось все меньше и меньше, пока не исчезло в трещине кулона.

Когда оно полностью скрылось внутри, я почувствовала, что кулон стал легче. Но из-за отсутствия остальных двух платьев в моей груди образовалась пустота. Солнце, луна и звезды хотели быть вместе.

«Остальные платья в комнате леди Сарнай», – подумала я, с трудом сглатывая. У меня не было времени идти за ними. Пора было уходить. Слишком много людей видели силу платья и моего кинжала, когда я столкнулась с шаньсэнем. Если император найдет меня, то заставит остаться, чтобы защищать дворец. Я никогда не смогу снять свое проклятие.

Но в глубине души я знала, что Бандур прав. Теперь платья Аمانы были моим источником жизненной силы.

Я не могла уйти, не собрав все.

Глава 8

– Мы слышали сигнальные колокола, – сказала дрожащим голосом Цзюнь, когда впустила меня в покои леди Сарнай. – Император... он в опасности? Шаньсэнь атаковал нас?

– Да, – ответила я со всей серьезностью, – но сейчас он отступил.

– Почему он перешел в наступление? Шаньсэнь узнал, что вы не...

Цзюнь не смогла закончить предложение, а я не нашла в себе сил, чтобы подтвердить ее опасения.

– Уже все кончено. – Я замешкалась, заранее ненавидя себя за последующую ложь. – Император приказал мне забрать платья для сохранности.

– Слава богам, – пылко произнесла Цзайни. – Они прокляты.

Служанки показали мне на сундуки леди Сарнай.

– Пожалуйста, заберите их.

Я взяла в охапку платье – платье из крови звезд было по-прежнему порвано после того, как я срезала его с леди Сарнай – и спрятала их сущность в кулоне.

Внезапно из-за закрытой двери спальни послышался сиплый крик.

Поначалу он больше напоминал звериный, чем человеческий. Низкий и протяжный, он походил на скуление раненой

лисы. Но когда он раздался вновь, я узнала голос.

Леди Сарнай. В ее комнате сильно пахло благовониями, якобы изгонявшими злых духов, которые, по мнению Цзюнь и Цзайни, напали на нее.

Я передернулась от вида принцессы. Служанки покрыли ее кожу мазью и почти полностью перевязали тело бинтами, оставив открытыми нос, рот и уши, но даже те пестрили фиолетово-синими ожогами и красными пятнами, отдаленно напоминавшими кровь звезд.

– Демоново дыхание, – прошептала я. – Она выглядит даже хуже, чем раньше.

В глазах Цзюнь и Цзайни витали призраки. Судя по их виду, последние два дня они не ели и не спали. Зная Ханюцзиня, я могла поспорить, что он под страхом смерти запретил им покидать покои леди Сарнай. Дрожь в их голосах лишь подтвердила мои подозрения.

– Мы... мы все перепробовали, мастер Тамарин.

– Что бы мы ей ни давали, она не просыпается. А ее кожа в местах, которых касалось платье... она меняется: то синяя, то серая. Мы никогда не видели подобного.

Служанки испуганно жались друг к другу.

– Вряд ли она надолго задержится в этом мире.

– Его величество не посылал за доктором? – Мой спокойный голос удивил даже меня саму.

Цзюнь и Цзайни покачали головами.

Неудивительно. Скорее всего император боялся, что ко-

ролевский лекарь может раскрыть тайну, что леди Сарнай при смерти. Хотя после случившегося на банкете это перестало иметь значение.

Я сглотнула. С моей стороны было бы непростительно оставить леди Сарнай в таком состоянии.

Мне в голову закрались мрачные мысли. *«Брось ее. Она никогда не проявляла к тебе доброты. Пусть умрет».*

Я повернулась к двери, но тут леди Сарнай закашлялась. Это прозвучало так жалостливо и нетипично для свирепой принцессы, которая когда-то нагоняла на меня страх.

«Подумай о том, как она перерезала глотки тем стражам. Она бы не раздумывая бросила тебя».

Я даже не сомневалась, что это правда.

«Так оставь ее».

До чего было бы легко прислушаться к этому темному голосу разума в моей голове, позволить демону лишить меня человечности одной мыслью за другой. Но во мне еще теплились остатки прошлой Майи. «Ты сильнее этого, – настаивала она. – Не поддавайся».

«Брось ее! – упрощивал демон. – Она бы не мешкая поступила так с тобой».

Да, но я не леди Сарнай.

Я – Майя Тамарин.

Мой мешок соскользнул с плеча и приземлился на пол с глухим стуком, когда я присела рядом с леди Сарнай, игнорируя непрекращающийся шепот внутри себя.

Как же ее спасти?

Даже если бы к ней пустили лекарей, они бы ничего не смогли сделать. Единственный человек, который мог бы ей помочь, покинул дворец.

– Где находятся покои лорда-чародея? – спросила я.

Цзюнь удивленно заморгала, ее широко расставленные глаза смотрели на меня с недоумением.

– В Летнем дворце они были рядом с Великим храмом, – нетерпеливо продолжила я, хватая запасную простыню со стула леди Сарнай. – Где они здесь?

– Но лорд...

– Да, отсутствует, я знаю. Это срочное дело.

Они выпалили ответ, и я ушла.

...

Стражи уже начали прочесывать дворец, пытаясь найти меня. На каждом углу я слышала, как они выкрикивали мое имя: «Мастер Тамарин, покажитесь! Мастер Тамарин!»

Под густым покровом облаков мне удалось быстро сотворить маскировку из простыни леди Сарнай. Я накинула ее на голову и побежала к северному концу Осеннего дворца.

Весь внутренний двор пустовал. Тени оккупировали дорожку к дому Эдана, который не мог похвастаться ни праздничными фонариками, ни цветами, ни какими-либо другими украшениями в честь свадьбы. Я скользнула за двери и

притворила их за собой.

Все комнаты явно обыскивали. На полу валялись книги и свитки, которые беспечно скинули с полок. Стол был заставлен чернильницами и кистями, кровать превратилась в перевернутое месиво из простыней и перьев. В воздух поднялось облачко пыли, когда я обошла сломанную птичью клетку и прошла глубже в его покои.

Я не знала, где искать лекарство для леди Сарнай, но рабочее место Эдана казалось лучшим вариантом для начала поисков.

Его стол был завален картами. Некоторые страницы пожелтели от времени и пахли незнакомыми мне специями. Еще там лежали ежедневники, заполненные его аккуратным почерком, с иллюстрациями стран, о которых я никогда не слышала. Я пролистнула верхний ежедневник, останавливаясь на рисунке знакомого паука Нива. Наверное, Эдан сверялся с этими записями перед путешествием в Халакмаратскую пустыню. Язык, на котором они были написаны, тоже был мне незнаком.

Нельронатский, вероятно.

– Ты хоть что-нибудь пишешь на аландийском, Эдан? – проворчала я, переходя к его шкафу.

Судя по вмятинам на дереве, похоже, люди императора пытались сломать замок, но безуспешно. Наверное, они сдались, потому что слишком боялись магии, которая могла остаться в покоях лорда-чародея.

Не так давно я сама была такой. Точнее, Эдана я никогда не боялась, но я помнила ауру загадочности вокруг него при наших первых встречах. У меня ушли месяцы, чтобы рассмотреть искреннего юношу под маской магии и высокомерия чародея.

Я коснулась лакированных створок шкафа и провела пальцами по странным символам, выведенным на поверхности, пока не спустилась к бронзовому замку посередине. У него не было скважины, но замок был сделан в форме ястреба, и его два раскрытых крыла соединяли дверцы.

Поддавшись любопытству, я сложила крылья, не ожидая никакого результата. Но металл нагрелся под моими пальцами, и бронза расплавилась, сливаясь с черным лакированным деревом. Створки приоткрылись, будто узнали меня.

Внутри я обнаружила ящички со стеклянными пузырьками, наполненными до краев жидкостями всевозможных оттенков. Там были растения, цветы и травы, которых я не знала: большинство высушены и сохранены в своем первозданном виде, но были и толченые или измельченные, хранящиеся в конопляных мешочках. Я нашла семена, которые выросли в цветы при моем прикосновении, перья, весы и сброшенную змеиную кожу. В нижнем ящике лежал поднос с различными предметами. Маленькие коробки для талисманов, инкрустированные переливающимися ракушками, тиковый гребень с отсутствующими зубчиками, песочные часы, луженая кружка, пустая чернильница. Бездонный кожаный ме-

шочек, который позволил Эдану взять с собой много книг в наше путешествие. Я быстро поменяла на него свой мешок, а затем подняла знакомое зеркальце.

Эдан назвал его отражением правды. Когда я притворялась своим братом, зеркало показало настоящую меня. Майю, а не Кетона.

Я смахнула пыль со стекла и посмотрела на себя. Без пудры на щеках и розовой краски на губах на моем лице просматривалась россыпь веснушек-созвездий. Вокруг глаз появились морщинки, губы потрескались.

– Я по-прежнему Майя, – с облегчением выдохнула я. – Пока что.

Рядом с кроватью Эдана была спрятана маленькая флейта, которую он брал с собой в дорогу. Я подняла ее к своим губам, но не смогла издать и звука. До чего заброшенно она выглядела без своего хозяина. Меня наполнила тоска по Эдану и по тем беззаботным дням, когда я могла сидеть у костра и слушать, как он играл.

«Ты здесь не для того, чтобы предаваться воспоминаниям об Эдане», – строго отчитала я себя.

Отложив флейту, я начала просматривать книги на полу. Большинство из них были на неведомых мне языках.

Вдруг мне на глаза попалась вырванная страница, выглядывающая из одного из ежедневников. Эдан брал его в путешествие. Из него по-прежнему сыпался песок пустыни.

Я дрожащими пальцами подняла вырванную страницу.

«Майя». Мое имя, выведенное элегантно почерком Эдана, буквально бросилось мне в глаза – наконец-то что-то на аландийском.

Внезапно у меня подкосились колени, и я опустилась на стул у его стола.

«Ситара – моя блистательная. Прости, что оставил тебя. Я бы никогда так не поступил по своей воле, но я заплачу любую цену за твою свободу – за твоё счастье. Ты говоришь, что не сможешь быть счастлива без меня, но я знаю – это неправда. Живи своей жизнью, ситара».

На этом записка обрывалась. Это его прощальное письмо, которое он намеревался отдать мне, прежде чем отправиться на острова Лапзура.

Я прижала письмо к сердцу, и бумага смялась от моей напряженной хватки. Я так сильно скучала по Эдану...

– Где же ты? – пробормотала я, потянувшись к своему кулону. Ореховая скорлупа нагрелась, и платя внутри ее запульсировали светом.

Я вернулась к стопке книг, как вдруг меня охватил озноб, и в мой затылок подул внезапный ветер.

– Майя? – слабо и в то же время близко раздался голос. Голос, который снился мне по ночам, такой ласковый и любимый.

Затем еще раз:

– Майя?

Я вздрогнула. Звук доносился из зеркала истины. Что это,

снова демоническое видение?

Я подняла зеркало и посмотрела в него. Эдан сидел у высокой стопки книг, его черные волосы лезли в глаза. Позади него шелестели деревья, над головой виднелось ясное голубое небо. У него был день, в то время как у меня – ночь.

– Эдан? – взволнованно позвала я.

Он поднял голову и вскочил на ноги.

– Майя? Майя, ты меня слышишь?

– Да! – я протянула руку, чтобы коснуться его, но мои пальцы лишь скользнули по холодному стеклу.

– Ты в безопасности? – спросил Эдан.

Кожа под его глазами потемнела от недосыпа. Однако без тяжести клятвы он выглядел более беззаботным, чем раньше. До чего было мучительно видеть его так четко и в то же время не иметь возможности к нему прикоснуться.

Я кивнула.

– Я надеялся, что ты найдешь зеркальце.

Его улыбка была заразительна даже на расстоянии в тысячи миль. Я не могла сдержать ответной улыбки, пока не вспомнила причину, по которой оказалась в его покоях.

– Мне нужна твоя помощь, – начала я. – Леди Сарнай получила серьезный ожог от звездного платья – оно напало на нее, и теперь она не просыпается. Здесь есть что-нибудь, что может помочь?

Его лоб задумчиво сморщился.

– Проверь третий ящик в шкафу с ястребом. Замок от-

кроется от твоего касания...

– Уже открылся, – перебила я, звуча одновременно робко и бесцеремонно.

– Тебе нужен пузырек с этикеткой «Экстракт для серьезных травм». Я использовал его, чтобы спасти императора во время Пятизимней войны. Пара капель облегчит боль, но я не могу обещать, что это пробудит леди Сарнай.

Я уставилась на ряд пузырьков.

– Я не могу прочесть, что на них написано.

– Используй зеркало.

Я подняла его к пузырькам и вскоре нашла тот, о котором говорил Эдан.

– Это зеркало всегда переводит древние тексты?

– Только для тебя.

Я подняла бровь.

– У меня было предчувствие, что ты не сможешь удержаться и проберешься ко мне в комнату, – заявил Эдан с игривой ухмылкой, но затем его голос смягчился. – Когда Ханюцзинь запретил мне видаться с тобой, я готовился покинуть тебя. Все, что у меня есть, теперь твое, Майя. Мои вещи будут реагировать на тебя, как твои ножницы.

Мою грудь затопило тепло, и я наслаждалась им, мечтая, чтобы его никогда не сменял холод.

– Спасибо тебе.

Эдан начал было говорить, но я не дала ему такой возможности. Он собирался спросить о свадьбе или о том, как

у меня идут дела, а я хотела избежать подобных вопросов.

– Ты добрался до Агории? Ханюцзинь ищет тебя.

Эдан покачал головой.

– Мастер, которого я искал, никуда не уходил. Он в Храме Наньдуня.

Значит, Эдан был вовсе не в Агории, а в Аланди, где-то высоко в горах, в святилище нищего бога.

Я облегченно выдохнула и подалась к зеркалу.

– Он смог тебе помочь?

Темные брови Эдана свелись к переносице, и его лицо побледнело.

– Майя, – хрипло прошептал он. – Майя, ты сказала, что освободилась от Бандура.

– Что? – я отпрянула.

Как он догадался?! Мои глаза не горели, и он никак не мог узнать о том, что именно произошло с леди Сарнай.

– На тебе амулет демона.

Я опустила взгляд и увидела, что мой кулон выглянул из-под туники.

– Нет, это просто орехи, которые ты мне дал, – я продемонстрировала кулон. – Это вовсе не...

Его челюсти напряглись, голос сквозил ужасом, страхом.

– Не возвращайся в Лапзур.

– Я должна, – сдалась я. – Мне нужно сразиться с Бандуром, прежде чем...

«Прежде чем я полностью потеряю себя».

– Тебе не победить в одиночку, – возразил Эдан. – Дождись меня. Я пойду с тобой.

Меня тронуло напряжение в его голосе, но он не заставил меня передумать.

– Эдан, с каждым днем мне все хуже и хуже. Скоро я не смогу противиться.

Его лицо, казавшееся таким собранным еще секунду назад, скривилось в гримасе.

– Тогда иди ко мне, – настаивал он. – Мой мастер поможет тебе. Теперь он смертный, но никто не знает о магии больше, чем он, кроме самих богов. Он уже имел дело с Бандуром.

– У меня мало времени, – едва слышно ответила я. – Я даже не знаю, где ты...

– Турские горы. Они недалеко от Лапзура. Позови меня, когда увидишь их, и я найду тебя.

– При помощи зеркала?

– Да, но будь осторожна. Демон в тебе крепнет с каждым днем, и всякий раз, как ты используешь магию, ты поддаешься его влиянию. Не прибегай к его могуществу. Оно испортит тебя, и ты быстрее превратишься.

На это я ничего не ответила.

– Майя! – Я вздрогнула от его повышенного тона. Но его глаза оставались голубыми, а не ярко-желтыми, как было раньше, когда он злился. – Поклянись моей жизнью, Майя, что не будешь использовать силу демона. Поклянись, что не отправишься в Лапзур без меня.

Внезапно во мне пробудилась ярость. Раскалилась добела и ослепила мой разум, лишая контроля.

«Да как он смеет! Он не властен над тобой, Сентурна».

Шепот становился все громче и громче, пока полностью не оглушил меня. Мебель Эдана исчезла. Из ковров выросли деревья с крючковатыми и засохшими ветками. Забытые острова Лапзура. Я зажмурилась, пытаясь избавиться от галлюцинации.

– Нет!

Зеркало выпало из моей руки, и я прыгнула за ним, но наша с Эданом связь прервалась.

– Эдан? – прошептала я, вцепившись в зеркальце. На меня смотрело только собственное отражение. – Эдан, прости меня.

Но он пропал.

Поддавшись отчаянию, я свернулась клубком на полу. Кулон кружился по цепочке вокруг моей шеи. Я схватила его, заставляя остановиться.

Эдан ошибался. Это не амулет демона. Платья внутри него принадлежали богине-матери Амане. В них не было ничего зловещего.

Однако меня не покидали сомнения. «Тогда почему посередине есть трещина, как на амулете Бандура?»

На это я не могла ответить.

Я спрятала кулон под тунику. Платья мягко и стабильно пульсировали у моего сердца. В отличие от песни моих нож-

ниц, вибрация не прекратилась, когда я отпустила кулон.

Я сделала глубокий, прерывистый вдох. По крайней мере, Эдан был в безопасности. И пока что мне этого было достаточно.

Глава 9

Я не слышала, как открылось окно.

Наступило утро, я по-прежнему сидела в покоях Эдана и просматривала его книги, как вдруг кто-то подошел ко мне сзади и потряс за плечи.

– Они идут за тобой!

Амми забрала книгу у меня из рук.

– Мастер Тамарин! Ты слышишь? Нужно уходить отсюда!

– Что? – просипела я. Мой язык так пересох, что приклеился к нёбу. – Кто?

– Император! – Амми заставила меня подняться на ноги. – Цзюнь и Цзайни не смогут долго держать рот на замке. Ты должна спешить!

Я схватила свои вещи, включая пузырек, найденный в шкафу Эдана.

– А что насчет леди Сарнай?

– Она жива, но едва. Утром ее отнесли в подземелье. То же произойдет и с тобой, если ты не...

Подземелье!

– Я должна помочь ей.

– Ты слышала, что я сказала? – Амми впилась пальцами в мою руку. – Половина стражи ищет тебя, а другая половина сторожит леди Сарнай. Ты не можешь...

Я вырвалась из ее хватки и взяла мешочек Эдана, чтобы

сложить в него пузырек, флейту и зеркало.

– Ты не обязана идти со мной, если не хочешь.

Амми сморщила нос.

– Одну я тебя не пущу. Сомневаюсь, что ты вообще знаешь, где находится темница.

Я не знала.

Должно быть, мое лицо выдало меня с потрохами, так как Амми вздохнула.

– Я об этом еще пожалею, не так ли?

Я надела мешочек на шею.

– Почему ты мне помогаешь? Мне казалось, ты обижена на меня.

– Так и есть, – ответила она, – но это не значит, что я желаю тебе смерти. Ты слишком хороший портной, чтобы умирать, мастер Тамарин.

Я бы просияла, не выдайся это утро таким мрачным. И все же лед, прокравшийся в мое сердце, немного растаял, позволяя мне улыбнуться подруге.

– Зови меня Майя.

В ответ губы Амми расплылись в напряженной улыбке.

– Поспеши, Майя. Последнее, чего я хочу, это чтобы меня застукали в твоей компании. – Она полезла в окно. – Сюда, мы срежем через сады. Молись всем богам, чтобы у стражей был обеденный перерыв.

...

Наши молитвы не были услышаны. И, к сожалению, Амми оказалась права насчет того, что подземелье кишело охраной. Мне ни за что не удастся пробраться туда, чтобы увидеть леди Сарнай. По крайней мере, без чужой помощи.

Тюрьму окружал забор из бамбука, а сама она выглядела как коробок, собранный из больших камней разных пропорций. Ни окон, ни дверей, не считая входа. Она больше походила на склеп, чем на темницу.

С другой стороны, она и не была рассчитана на то, чтобы заключенные жили в ней подолгу.

Спрятавшись за куст, я мысленно отметила стража с ключами, висящими на поясе, и потянулась к кулону. Мой большой палец прошелся по той стороне ореха, в которой тайлось платье из солнца.

«Начинается».

– Завяжи пояс на глазах, – прошептала я Амми. – И замурься так крепко, как только можешь. Что бы ни происходило, ни в коем случае не открывай их, пока свет не погаснет. Затем беги на кухню.

Прежде чем она успела задать вопрос, я выскочила из укрытия и посчитала до трех.

– Сейчас!

Взяв кулон, я выпустила силу платья из солнца и нацелила

ее на стражей. Свет ослепил их, и они начали пятиться один за другим. Мужчины уронили оружие, чтобы прикрыть глаза, и осели на землю у забора.

Нельзя было терять время. Я проскользнула мимо них, присела рядом со стражем с ключами и срезала их с пояса ножницами.

Лишь оказавшись глубоко в подземелье, я осмелилась закрыть смех солнца в кулоне, но руку с него не убрала, – впереди могли быть еще стражи.

Я начала спускаться по лестнице, осматривая темницу в поисках леди Сарнай. Большинство камер пустовало. В нескольких сидели слуги, которых поймали на воровстве, или солдаты, злоупотребившие алкоголем. Я даже не смотрела в их сторону. По словам Амми, важных заключенных держали на нижнем этаже.

Когда я спустилась, леди Сарнай тут же выдало ее затрудненное дыхание. Я побежала на звук, держа в потной ладони скользкие железные ключи, и открыла дверь.

Меня охватил шок, и я ахнула.

Состояние леди Сарнай заметно ухудшилось за эту ночь. Ее кожа цвета слоновой кости приобрела бледный, неестественный серо-голубой оттенок. Еще большую тревогу вызывали черные и фиолетовые пятна, расцветавшие под ее халатом; они полыхали на ее груди и подбирались опасно близко к сердцу.

Цзюнь и Цзайни были правы – жить ей оставалось недол-

го, если кровь звезд продолжит поглощать ее.

Кто-то застонал в противоположной камере. Лорд Сина. Камера была слишком мала для него, и ему пришлось свернуться в углу, с его виска на землю капала струйка крови.

– Отойди от нее, – прохрипел он. Затем тщетно попытался встать, гремя цепями. – Отойди!

Мне нужно было спешить, иначе стража могла услышать его. Собравшись с силами, я подошла к леди Сарнай и сунула руку в мешочек за экстрактом Эдана.

Затем зубами открыла пузырек, вылила половину содержимого в рот Сарнай и прикрыла его рукой, чтобы не потерять ни капли драгоценного экстракта. При моем прикосновении леди Сарнай замычала, и я скривилась. Мне даже было сложно представить, какую боль она испытывала.

Наконец леди Сарнай сглотнула, и постепенно ее дыхание выровнялось. Я ждала, молясь, чтобы кровь звезд перестала распространяться по ее телу. Ждала, что принцесса хотя бы пошевелится и проснется.

Но лекарство Эдана не сработало.

Я запаниковала. «Что теперь?»

Преисполнившись отчаянием, я попыталась поднять леди Сарнай на ноги, но у меня не получилось даже сдвинуть ее с места. Я могла сдаться и сбежать или рискнуть и попасться в руки стражам.

«Думай, Майя, думай».

Я по привычке потянулась к ножницам, но тут мои пальцы

дрогнули от пришедшего озарения. Мой кулон по-прежнему вибрировал у груди, и когда я коснулась его, по руке прокатилась утешительная, слегка покалывающая волна тепла.

Из кулона показалась серебристая нить – такая тонкая, что сперва я решила, что вообразила ее – и обвила мои пальцы, откидывая мерцание, напоминавшее слезы, на лицо леди Сарнай.

«Может, слезы луны ей помогут?»

По легенде богиня луны была целительницей – антиподом своего вспыльчивого мужа, солнца. Попытка не пытка.

Я извлекла лунное платье из своего кулона. Даже в спертom воздухе подземелья оно парило, как воздушный змей на ветру, прежде чем медленно укрыть тело леди Сарнай.

Я присела рядом с ней, наблюдая, как серебристый атлас идет рябью по ее рукам и ногам. Мало-помалу от нее начало исходить слабое белое сияние, смягчая ужасающие пятна крови звезд, пока темные и мерцающие отметины не отступили от ее сердца. Затем веки леди Сарнай затрепетали, а пепельно-голубая кожа начала приобретать цвет и заливаться легким румянцем, намеком на жизнь.

Пока лунный свет пробуждал ее, я осмотрела кандалы, приковывавшие принцессу к стене, и неуверенно достала ножницы. Смогут ли они разрезать металл?

Их серебряные лезвия ярко сверкали на фоне цепей, и когда я поднесла их к железным звеньям, они начали поощрительно гудеть.

Продев пальцы в кольца, я раздвинула лезвия и отрезала оковы. Каждый надрез требовал от меня гораздо больше усилий, чем когда я резала ткань, — до такой степени, что пришлось использовать обе руки, чтобы сомкнуть ножницы на звеньях.

Издав громкий лязг, одна окова упала на землю.

— Слава Девяти Небесам, — прошептала я.

Ускорившись, я взялась за второе запястье леди Сарнай, а затем перешла к ее щиколоткам, пока она не оказалась полностью свободна.

Сверху слышался топот. Стражи уже проснулись.

Я потрясла леди Сарнай, и она зашевелилась, часто дыша. Затем рывком поднялась, поддавшись панике, скинула лунное платье и потянулась к моему пузырьку. Она подумала, что я пришла отравить ее.

— Тихо, тихо, — попыталась я успокоить принцессу. — Я здесь, чтобы...

Леди Сарнай выхватила у меня ножницы и прижала лезвия мне к шее. Металл свирепо запел возле моих ушей.

Она планировала перерезать мне горло, но ее запястье дрогнуло, а лицо исказилось от изумления, когда она увидела, что с ней произошло. Некогда ярко-синие пятна на ее коже — отметины от звездного платья — ныне поблекли. Но им на смену пришли серебристо-белые шрамы, напоминавшие мазки кисти на ее лице и теле. Слезы луны.

Когда ножницы задрожали в руке принцессы, я аккуратно

их забрала.

– Почему? – прошептала леди Сарнай.

Мне потребовалась пара секунд, чтобы понять ее вопрос: она спрашивала, почему я рисковала жизнью, чтобы помочь ей. Я тоже задавалась этим вопросом. Леди Сарнай мне не нравилась. Несомненно, это чувство было взаимным.

Я вернула ножницы на пояс. Мой язык налился свинцом, во рту пересохло. Я не знала, что ей ответить.

Прежде чем уйти, Эдан назвал меня надеждой Аланди. Но он ошибся. Я не могла быть надеждой Аланди, превращаясь в демона. В то же время леди Сарнай, дочь шаньсэня и невеста императора, могла сплотить Север и Юг. Она принцесса и воин в своем собственном праве.

– Потому что вы – надежда Аланди, – тихо ответила я.

Она облизнула пересохшие и потрескавшиеся губы.

– Ханюцзинь накажет тебя за это.

– Я не боюсь.

Леди Сарнай вскинула бровь, будто не поверила мне, но больше ничего не сказала.

– Нам нужно немедленно уходить, – поторопила я. – Стражи уже приходят в себя.

– Сколько их?

Дочь шаньсэня была, как всегда, практична.

– По меньшей мере трое в темнице. Четверо у входа. Снаружи еще больше.

Леди Сарнай даже не дрогнула. К ней возвращались силы.

Не удостоив меня своей благодарностью, она встала и вышла из камеры. Через секунду я услышала крик стража:

– Вы...

За этим последовал хруст костей и лязг мечей о железные двери и каменные стены. И глухие удары при падении тел на пол.

Я скривилась, жалея, что не попросила ее не убивать людей императора.

Устранив угрозу в виде стражей, леди Сарнай вернулась. Я была на шаг впереди нее и уже открыла дверь в камеру лорда Сины.

Она закинула его руку себе на плечи и помогла ему встать. Тело мужчины превратилось в кровавое месиво из ушибов и порезов, сочащихся гноем, но когда он увидел леди Сарнай, его угольные глаза ожили, и он закашлялся.

Ее хмурое выражение лица смягчилось – единственное, что выдало облегчение принцессы.

– Сина, ты сможешь идти?

Он выглядел измученным, его широкое лицо будто стало более вытянутым. Но лорд Сина стиснул зубы, встал на ноги и коротко кивнул.

Из его опухшего рта текла кровь, он лишился зубов. Его так избили, что он не мог говорить, но было очевидно, что мое присутствие вызывало у него недовольство, в то время как изменения во внешности леди Сарнай несколько его не смутили. Как бы оно ни было мимолетно, в эту секунду я

прониклась к нему уважением.

– Тогда поспешим, – лаконично сказала леди Сарнай. – Нам нужно добраться до реки до наступления сумерек.

– Реки? – переспросила я. Река Лэян находилась к югу от Осеннего дворца. – Разве ваш отец не на севере?

– Мой отец? – леди Сарнай повернулась ко мне.

– Разве вы не собираетесь сразиться с ним... и его демонами?

Она уставилась на меня, прищулив свои темные глаза, от чего я почувствовала себя очень наивной и глупой.

– И что, по-твоему, я могу им сделать? Ах да, ты считаешь меня надеждой Аланди, – с ее губ сорвался сухой смешок. – Я только и делала, что истекала кровью ради этой страны. Ее мир и спасение ничего больше для меня не значат.

– Но...

– Отец не остановится, пока не получит трон, – рывкнула она. – Он и его демоны разорвут эту страну на части, если потребуется. Я собираюсь уйти прежде, чем это произойдет. – Принцесса подняла меч, украденный у одного из побежденных стражей. – Если в тебе есть хоть капля здравомыслия, ты поступишь так же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.